

INSPIRIA

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ЛУННЫХ ДЕВ

БАРБАРА ДЭВИС

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты Барбары Дэвис

Барбара Дэвис

Последняя из Лунных Дев

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Coe)-44

Дэвис Б.

Последняя из Лунных Дев / Б. Дэвис — «Эксмо»,
2020 — (Novel. Мировые хиты Барбары Дэвис)

ISBN 978-5-04-164121-4

Жительница Нью-Йорка Лиззи Лун получает бандероль со странной именной книгой для записей, а также сообщение, что ее бабушка, известная в городке Сейлем-Крик травница и целительница Альтея Лун, умерла, и прах ее уже развели по ветру. Поскольку мать Лиззи исчезла в неизвестном направлении еще восемь лет назад, Лиззи становится единоличной владелицей родового имения с плантациями лаванды и целебных трав. Лиззи, всегда стремившаяся оторваться от семейного наследия и некогда уехавшая из города, чтобы построить новую жизнь, вынуждена вернуться в места детства и впервые взять на себя ответственность. Бестселлер Барбары Дэвис "Последняя из Лунных Дев" - это вдохновляющая история в жанре магического реализма, ставшая бестселлером Amazon и набравшая более 60 000 положительных рецензий онлайн. Впервые на русском. Барбара Дэвис - автор женской психологической прозы, пишет в духе Карен Уайт, Барбары О'Нилл, Кэри Лонсдейл. У книги более 25 000 оценок на Amazon и более 30 000 на Goodreads. Абсолютный хит, выбор месяца у Booklist. Красивая, проникновенная история о узах родства и о поиске себя.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-04-164121-4

© Дэвис Б., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Барбара Дэвис

Последняя из Лунных Дев

Barbara Davis

The last of the Moon Girls

Copyright © 2020 by Barbara Davis

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается женицам –
целительницам души,
служительницам света,
творительницам волшебства.*

Любовь творит чудо.

Это высший смысл мироздания, благословение Вселенной.

Новалис

Пролог

Преданные воде останки подвергаются совсем иному разложению: в каком-то отношении более безжалостному, в каком-то – напротив, щадящему. Так мне, во всяком случае, объясняли. Нам, женищинам из рода Лун, не доводилось это узнать. Когда для нас приходит час покинуть мир, мы по традиции выбираем огонь, и пепел наш развеивают по той земле, которой наш род владеет уже больше двух веков. Мой прах отныне тоже там – смешался с прахом моих предшественниц.

Неужели с моего ухода минули лишь считанные недели? Недели неприкаянной подвешенности между двумя мирами – когда я, не в силах здесь остаться и не желая уйти навсегда, терзаюсь сожалениями и незавершенным делом. Эта отъединенность почему-то кажется мне чересчур долгой. Но сейчас я размышляю не о собственной смерти, а о гибели двух юных девушек – Хизер и Дарси Гилмэн, – произошедшей уже восемь лет назад. Около трех недель они считались без вести пропавшими, пока наконец тела их не вытащили из воды. Это жутко было наблюдать – однако смотреть на это мне все-таки пришлось. Полицейские настойчиво прочесывали мой пруд, полностью уверенные, что найдут там то, что ищут. И почему бы нет – если уже весь городок косился в мою сторону! Из-за того, кто я такая. Из-за того, какая я. Или по крайней мере какой я представлялась в их глазах.

Память, похоже, ничуть не умирает вместе с плотью. Сколько лет уже прошло с того страшного дня у пруда, а я до сих пор помню каждую подробность – все это раз за разом безжалостно проносится передо мной, словно по замкнутому кругу. И шеф полиции в высоких болотных сапогах, и его люди в лодке. И фургон судебных медиков, стоящий неподалеку с широко распахнутыми задними дверями в ожидании нового скорбного груза. И белое как кость лицо несчастной матери, которая вот-вот узнает судьбу своих дочерей. И переешептывания, перебегающие по толпе, точно электрический ток. И наконец – красноречивый пронзительный свист.

Над собравшимися воцаряется тишина – та, что подавляет всех собственным грузом, грузом смерти. Наконец на свет показывается первое тело, и вымокший труп вытягивают на берег. Никто не в силах даже пошевелиться при виде безвольно повисшей руки в грязной коричневой куртке, из рукава которой стекает вода. И этого раздувшегося, почерневшего лица, полуприкрытого налипшими темными прядями мокрых волос.

Полицейские крайне бережно обращаются с погибшей – с какой-то жуткой деликатностью, которую мучительно наблюдать. Я понимаю, что так они стараются сохранить возможные улики, и по спине у меня пробегает холодок. Теперь в полиции могут завести дело. Причем дело это будет состряпано против меня.

Спустя немного времени появляется и второе мертвое тело. И тут тишину разрывает страшный вопль. Сердце матери не в силах вынести этой картины – во что обратились ее милые девочки.

С этого все и закрутилось. Тот жуткий день положил начало и всему остальному. Концу нашей родовой фермы. А возможно, – и концу самого рода Лун.

Глава 1

16 июля

Альтея Лун умерла.

Таков был главный смысл письма.

Умерла одним воскресным утром в собственной постели. Умерла после долгой изнурительной болезни. Умерла и уже кремирована, а ее пепел развеян по земле на восходе полной луны, согласно завещанию покойной.

Комната словно окуталась туманом. Сквозь пелену слез Лиззи просмотрела письмо дальше, едва различая лаконичные убогие строки:

«Поскольку местонахождение Вашей матери на данный момент неизвестно, Вы становитесь единоличной владелицей „Фермы Лунных Дев“. В соответствии с последними пожеланиями Вашей бабушки, отправляю Вам эту бандероль».

Внизу письма стояла подпись – *Эвангелина Бруссар*. Имя это ей знакомым не показалось, но из письма совершенно определенно следовало, что эта дама – кем бы она ни являлась – знала о последних днях Альтеи куда больше, нежели Лиззи. Сама она даже не в курсе была, что бабушка вообще чем-то болела.

Лиззи сдержала подступивший плач, ощущая на языке солоноватость скорби вкупе с чувством вины, и потянулась за посылкой, которую сопровождало письмо. Завернутая в крафтовую бумагу, она казалась уже изрядно потрепанной. Лиззи посмотрела на красный чернильный штамп, идущий поперек упаковки: *«Вернуть отправителю»*. Очевидно, сначала бандероль выслали на прежнюю квартиру Лиззи, оттуда нынешние жильцы вернули ее отправителю, и уже потом ее адресовали по месту работы получателя.

Она все собиралась послать Альтее открытку об изменении своего адреса, но, как и в отношении многого другого в последнее время, Лиззи оказалось совсем не до того. Разрывая упаковку, она на миг задержала дыхание, а потом резко выдохнула, увидев черный переплет из тонко обработанной кожи. Она очень хорошо знала этот переплет. Это была книга для записей, которую Альтея преподнесла ей на шестнадцать лет. Такую именную книгу получали на шестнадцатилетие все девушки рода Лун.

Дрожащими пальцами Лиззи провела по крышке переплета, по ребристому корешку, по шершавому, неровному обреза страниц – уже давно прекрасно зная их на ощупь. В Сейлем-Крике, в бабушкином читальном уголке, стояли, запертые в книжном шкафчике, еще восемь точно таких же книжек, и каждая была названа именем той, из-под чьего пера она вышла: «Книга Сабины», «Книга Доротеи», «Книга Авроры» – и так далее через все поколения. Надо полагать, девятая – «Книга Альтеи» – теперь должна была занять место среди них. Эти книги являлись исконной традицией семейства Лун – своего рода обрядом принятия каждой Лунной Девы в родовую Стезю. Целые тома из скрупулезно записанных рецептов снадобий и блюд, сакральных благословений и отрывочных высказываний женской мудрости – бережно хранимых для будущих поколений. И вот на столе перед Лиззи лежала теперь *ее* книга для записей – словно пресловутый несчастливый пятак, вернувшийся к ней помимо воли, – такая же пустая, как и в тот день, когда Лиззи ее только получила.

Она нехотя открыла книгу, прочитала предназначавшееся ей напутствие:

«Милой Эльзибет. Настало время и тебе писать свою историю».

Не Элизабет – а Эльзибет. У нее и имени-то даже нормального не было!

Когда ей исполнилось шестнадцать лет, Лиззи не имела ни малейшего желания продолжать эту традицию – и вообще иметь какое-либо отношение к причудливому наследию своего

рода. Ей хотелось быть самым обычным, нормальным человеком – такой, как все *другие*. А потому она просто сунула врученную ей книгу в ящик стола и забыла о ней напрочь.

И вот, держа сейчас в руках эту пустую книгу для записей, Лиззи ощущала некое обвинение в свой адрес – напоминание о том, что, отвергнув священный родовой обычай, она тем самым отвернулась от всего, чем жила ее бабушка, чему та учила и во что верила. Лиззи могла бы, конечно, притвориться ради спокойствия Альтеи, согласиться сделать то, что та ожидала от внучки, и заполнить эту книжку какой-нибудь никчемной писаниной. Обычные же девчонки заводят дневники – розовые, с сердечками на обложке и маленькими медными замочками, хранящими их тайны от чужого любопытства. Однако Лиззи была слишком упрямой, чтобы просто этому подыграть. Она твердо вознамерилась порвать с традициями рода Лун и вычертить собственный жизненный путь. И, надо сказать, она успешно это сделала – если судить по блестящей новенькой табличке на двери ее нынешнего кабинета. От первокурсницы в колледже Диккерсона к стажеру в «*Worldwide*» и до креативного директора в «*Chenier Fragrances, Ltd*» – и все это за каких-то восемь лет!

Однако даже спустя полгода после столь желанного повышения Лиззи никак не могла до конца свыкнуться ни с новой должностью, ни с целым шквалом перемен в своей жизни. У нее просто не было времени поделиться этим с Альтеей – так она, во всяком случае, объясняла это себе. Между тем, если сказать откровенно, их общение в последние годы становилось все более спорадическим вовсе не по причине какой-то лени, а из-за крепко засевшего в душе у Лиззи ощущения вины. Ей казалось, было бы неправильно хвалиться своими успехами в то время, как у бабушки труд всей ее жизни – ее любимая травяная ферма – постепенно приходит в упадок и умирает на глазах. А потому Лиззи сумела убедить себя, что те чеки, которые она время от времени посылает бабушке, компенсируют и восьмилетнее ее отсутствие, и оставшиеся без ответа письма, и слишком редкие телефонные звонки. Разумеется, ничего они не компенсировали, ничего не искупили. И не могли искупить. А теперь уже слишком поздно было чем-либо поделиться с Альтеей.

Лиззи попыталась представить новую реальность – мир без Альтеи Лун, – но в голове это никак не укладывалось. Как такая женщина, исполненная мудрости, жизни и любви, вышедшая, казалось, из той самой земли, которую она так любила и за которой так заботливо ухаживала, – как такая женщина вообще могла покинуть этот мир!

Она ни разу даже не обмолвилась, что чем-то болела. Ни разу не заикнулась об этом в своих пространственных письмах, где старательно излагались все местные новости. И тем не менее Эвангелина Бруссар упомянула продолжительную болезнь. Почему Альтея держала это в тайне от внучки?...

– О! Ты здесь? Ну, наконец-то нашел.

В растерянности Лиззи сморгнула вновь подступившие слезы, обнаружив возникшего в дверях ее кабинета Люка Шенье. Он только что постригся и выглядел еще умопомрачительнее, чем обычно, в своем сшитом на заказ черном костюме от Бриони. Он тоже всегда признавал свою эффектную внешность, чем, кстати, сильно раздражал Лиззи в ту пору, когда они еще встречались. Впрочем, теперь это ее уже не трогало.

Тихонько шмыгнув носом, она подавила остатки слез. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы человек, только что давший зеленый свет ее дальнейшему карьерному росту, вдруг застал ее плачущей за письменным столом. Или чтобы Люк стал осаждать ее неудобными расспросами, хотя бы на миг почувствовав, что она что-то от него скрывает.

Лиззи подняла на него взгляд, надеясь напустить на себя невозмутимость, и в то же время смахнула книжку себе на колени, подальше от его глаз.

– Тебе что-то нужно?

Люк расплылся в улыбке, сияя явно отбеленными недавно у дантиста зубами.

– Я искал тебя в обед, но мне сказали, у тебя совещание.

– Да, я была в отделе маркетинга. Пытались разработать концепцию новой кампании печатной рекламы. Мы еще не пришли к чему-то конкретному, но должны...

Люк взмахом руки прервал ее слова.

– Давай встретимся после работы. Я собирался пригласить тебя на ланч, но на ужин, пожалуй, будет даже лучше, ты не находишь?

Нет, она так ничуть не находила – хотя и не удивилась, что так думает Люк. Он привык всегда добиваться своего. Да и с чего бы ему не быть в себе таким уверенным? Этот мужчина каждой своей черточкой источал обаяние. Однако Лиззи не понимало ни то, что выглядел Люк, как Джонни Депп, только без подводки, ни то, что его речи передался легкий французский акцент его матушки. Все это быстро потеряло для нее свою привлекательность.

Они сделали все возможное, чтобы сохранить свои отношения в тайне. Никаких заигрываний на работе и публичных проявлений симпатии. Никаких ланчей, где бы не просматривались электронные таблицы или не обсуждались рекламные проспекты и презентации. Однако в тот вечер, когда было объявлено о повышении Лиззи, они отправились отпраздновать это к Даниелю, в знаменитый французский ресторан, и наткнулись там на Рейнольда Аккермана, адвоката из юридического отдела, который отмечал с женой двадцатилетие их супружеской жизни. И тогда Лиззи поняла, что ей предстоит немедленно сделать выбор: или покончить с этой связью, или стать участницей заурядного служебного романа.

Она оборвала их роман на следующий же день. Люк воспринял это достаточно спокойно. Возможно, потому, что они с самого начала установили такие правила игры: сочтя, что пришло время, любая сторона вольна уйти своей дорогой. Без всяких слез и взаимных обвинений. Однако потом он стал ей настойчиво давать понять, что, может быть, им все-таки продолжить с того места, где они расстались. Но это, с точки зрения Лиззи, было совершенно безнадежным вариантом.

– Так что? Как насчет вечера? – спросил от дверей Люк. – Можем двинуть в итальянский ресторан.

– Не могу. Извини.

– Давай забронирую нам столик в «Скарпетта». У них одни канолли чего...

– У меня умерла бабушка, – оборвала его Лиззи. – Сейчас вот получила письмо.

У Люка хватило такта мигом отбросить улыбку. Он зашел в кабинет и закрыл за собой дверь.

– Извини. Очень жаль. Не знал, что она была больна.

– Вот и я не знала. – Слова эти обожгли Лиззи даже больше, нежели она ожидала, и она поймала себя на том, что норовит спрятать от Люка взгляд. Плакаться друг другу в жилетку как-то не входило в их договоренности, а она сейчас готова была предаться именно этому.

– Не помню, чтобы ты много о ней рассказывала. Или вообще о ком-то из своей семьи, если на то пошло. Вы были с ней близки?

– Были, – ровным голосом отозвалась Лиззи. – Можно сказать, что она меня вырастила.

– Да уж... незадача.

Лиззи недоуменно уставилась на него из-за стола. *Незадача?! Разве это говорят человеку, у которого умирает любимый человек? Хотя что ей удивляться! Ей довелось увидеть, как Люк воспринял смерть близкого человека.*

Они уже несколько месяцев встречались, не афишируя своих отношений, когда мать Люка – наставник Лиззи в мире парфюма – в конце концов проиграла свою битву с раковой опухолью. Лиззи видела Люка на похоронах – как он пожимал руки и принимал соболезнования, изображая почтительного сына. Но уже к вечеру она не могла отделаться от мысли, что именно это он и делал – *изображал*, играл нужную роль. Поначалу Лиззи отнесла это отсутствие искренней скорби к тому, что болезнь его матери тянулась довольно долго. Что он имел

время как следует подготовиться к ее кончине, примириться со скорой утратой, проститься. Теперь же Лиззи подумала: не слишком ли она ему польстила такими объяснениями?

– Сожалею о твоей утрате, – произнес он наконец и, потянувшись через стол, накрыл ее руку ладонью. – Тебе, вероятно, придется поехать туда на похороны.

Лиззи высвободила свою кисть и сунула между коленями, чтобы он не мог до нее дотронуться.

– Похорон не ожидается. Ее пепел уже успели развеять.

Люк вскинул брови:

– Что? Без тебя?!

Лиззи кивнула, не желая ему что-либо объяснять. Когда дело касалось ее семьи, она все подробности предпочитала сводить к минимуму. Если хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьез – а Лиззи только этого и хотела, – всегда есть вещи, которые никогда не следует затрагивать в разговоре.

– В нашей семье не принято колготиться насчет этого, – сказала Лиззи, снова заморгав, чтобы не дать волю слезам. «Ну да, если, конечно, не считать колготней то, что твой прах должен быть развеян над лавандовым полем в первое же полнолуние после смерти». – К тому же я сама в этом виновата. Я, переехав, забыла сообщить бабушке о смене адреса, а потому с письмом случилась некоторая неразбериха. Она умерла два месяца назад. Поскольку на письмо я не ответила, то похоронное бюро взяло дело в свои руки и само позаботилось о ее пепле.

Люк покивал, как будто нашел в услышанном вполне здравый смысл, но потом неожиданно нахмурился.

– Все-таки, согласишься, немного странно. Взяться за дело без тебя?

Лиззи отвела от него взгляд.

– Это что-то вроде давней семейной традиции. Дело тут... в привязанности по времени. В любом случае с этим уже покончено.

– Ну, вот и хорошо, если хочешь знать мое мнение. Никогда не был большим любителем похорон. Этой, знаешь, концентрации скорби. – Люк помолчал, изображая, будто его передергивает. – Растраченные зря эмоции, если разобраться. Человек, который умер, и понятия не имеет, что ты о нем скорбишь – потому что он уже мертв. Все же остальные просто топчутся вокруг, бормочут друг другу всякие банальности, жуют фаршированные яйца. А еще съезжаются все эти родственники, в которых сам черт не разберет. В общем, сплошной напряг... Или, как любила говаривать моя матушка – *compliqué*¹.

Compliqué.

Лиззи согласно кивнула. Просто идеальный в своей лаконичности эпитет к роду Лун!

– Да, у нас в роду хватает... напряга.

– И давно ты ее последний раз навещала?

– Ни разу. Как восемь лет назад уехала оттуда, так больше и не возвращалась.

Люк даже присвистнул.

– Приличное время – даже по моим меркам. А матери у тебя нет?

Лиззи поняла, что именно он имеет в виду: умерла ли ее мать. В сущности, это было одно и то же. Но правда крылась в том, что Лиззи и сама не знала ответа на этот вопрос. Да и никто не знал.

– Да, ее нет. Никого больше нет.

Люк обошел ее письменный стол сбоку, присел на уголок.

– Бедная ты моя сиротка, – медленно проговорил он. – Но знаешь, ты не одинока. Моя матушка тебя очень любила, а потому взяла с меня обещание, что я буду за тобой присматри-

---

¹ *Compliqué* (фр.) – затруднительный, мудреный, запутанный. – Здесь и далее прим. пер.

вать. Она сказала мне: «Люк, однажды она станет блистательным парфюмером, и я хочу, чтобы ты о ней позаботился». Словно, оставляя мне свою компанию, матушка завещала мне и тебя.

Лиззи еле удержалась, чтобы не закатить глаза.

– Человека невозможно завещать, Люк. К тому же я не бедная сиротка, я уже достаточно долго жила отдельно и самостоятельно.

Люк поднялся, отошел к окну.

– И сколько времени тебе понадобится? Три дня? Или четыре?

– На что? – нахмурилась Лиззи.

– Ну, не знаю. Поскорбеть, пережить эту утрату, наверно. Или что там еще нужно тебе сделать? Полагаю, надо решить какие-то финансовые вопросы, продать дом...

– Там на самом деле ферма. Ферма, где выращивались лекарственные травы. И мне совсем нет надобности туда ехать. Все вопросы я могу решить и отсюда.

– В самом деле? – расплылся он в улыбке, как будто был приятно удивлен услышанным. – А я уж было подумал, что ты сентиментальная особа.

Лиззи помотала головой, отчаянно желая поскорее свернуть этот разговор, пока она не ляпнула что-нибудь такое, отчего у Люка снова поползут на лоб его старательно ухоженные брови.

– Просто... там много чего есть... Воспоминания, которые я предпочла бы не ворошить. Как ты уже сказал, это... *complicé*.

Его улыбка стала еще шире, явно переступая грань между самонадеянностью и снисходительностью.

– Матушка у меня была сентиментальной женщиной. Она любила говорить, что всем нам время от времени необходимо возвращаться домой – дабы напомнить себе о том, кто ты и откуда. И мне кажется, отчасти она была права. Нам действительно нужно время от времени возвращаться домой. Но только для того, как я считаю, чтобы напомнить себе в первую очередь, *почему* мы оттуда уехали, и таким образом еще отчетливее понять, чего мы в действительности хотим. Потому что в конечном счете это самое главное – уяснить, чего мы ожидаем от жизни и что готовы сделать, чтобы это получить. Может быть, как раз это тебе сейчас и требуется, Лиззи, – провести какое-то время со своими воспоминаниями. После этого ты, возможно, многое увидишь в ином свете.

«Провести время со своими воспоминаниями...»

Лиззи опустила взгляд к коленям, не желая сейчас встречаться глазами с Люком. Он и понятия не имел, о чем сейчас распространялся. Да и не должен был иметь. Как вообще можно со стороны представить, какие воспоминания ее там ждут!

– Все в порядке, на самом деле. Я справлюсь. Я смогу разрешить все вопросы удаленно.

Люк скептически покосился на нее.

– Воля твоя, конечно, но звучит как-то неубедительно. Может, с кем-то там нужно пообщаться, чтобы до конца переварить эту утрату. Как говорится, поставить точку. Я мог бы поехать с тобой, чтобы все прошло полегче.

Вот он – истинный мотив его внезапной обеспокоенности за нее!

– Мы уже несколько месяцев как расстались, Люк.

– Я в курсе.

– Тогда зачем ты это предлагаешь?

– Ты что, не веришь, что я способен на простое великодушие?

– Нет.

Люк сразу отбросил улыбку, словно принимая свое поражение.

– Все-таки это довольно паршивое время, чтобы переживать его в одиночестве. Позволь мне по крайней мере пригласить тебя на ужин. Обещаю говорить лишь о делах, если тебе так будет угодно.

– Спасибо. Но, по-моему, мне сейчас лучше побыть наедине с собой.

Лиззи проводила его взглядом до двери, больше чем уверенная, что он уходит обиженным и оскорбленным. Хотя в одном Люк все-таки был прав. Ей действительно нужно какое-то время, чтобы «до конца переварить эту утрату», усвоить тот факт, что она неожиданно осталась одна в целом мире, и осознать, что это означает. Альтея умерла, мать, судя по всему, исчезла с лица земли – в прямом ли или фигуральном смысле. И теперь после Эльзибет не останется никого из рода Лунных Дев – в этом она была точно уверена. По сути дела, она последняя.

Глава 2

Скинув в прихожей туфли, Лиззи поспешила на кухню. Она достойно пережила этот рабочий день, с улыбкой встречая неиссякающий поток соболезнований, что устремился к ней, едва по фирме распространилась новость о ее утрате. Единственное, чего желала она теперь – это большой бокал вина и возможность побыть наедине со своей скорбью.

Лиззи откупорила бутылку шардоне и налила себе объемистый бокал, после чего задержалась у раковины, чтобы полить стоявшие возле нее горшочки с травами. *«Розмарин... для памяти. Базилик... для крепости духа. Тимьян... для избавления от ночных кошмаров»*. Это был своего рода катехизис ее детства. Катехизис всех Лунных Дев.

Неожиданно, по какому-то наитию, она оторвала листок базилика от стоявшего на раковине растения и потерла между пальцами, высвобождая его сладковато-пряный аромат – слегка перечный, с нотками аниса и легчайшим оттенком мяты. Это был один из любимых запахов Лиззи – возможно, потому, что напоминал ей о тех счастливых днях, когда она что-то готовила у бабушки на кухне. Однако на сей раз у нее перед глазами всплыло совсем иное воспоминание – гораздо более давнее.

Однажды в детстве Лиззи незаметно приблизилась к бабушке сзади, когда Альтея осматривала поврежденные растения после нежданного, аномально позднего заморозка. Девочке было тогда не больше семи, однако инстинктивно она поняла, что надо вести себя как можно тише. Завороженная необычайной сосредоточенностью на лице бабушки, Лиззи наблюдала, как та, опустившись на колени перед почерневшими кустиками базилика, водила над ними своими мозолистыми ладонями. Потом принялась что-то бормотать – какие-то полные нежности слова, которых Лиззи не могла различить. Первый раз она увидела воочию, как действует дар ее бабушки – и больше уже не могла этого забыть. Как не забыла и того, что наутро те же самые растения были уже зелеными и крепкими, без малейших следов подмерзания.

Это был самый потрясающий талант Альтеи – способность поднять к жизни почти что мертвую траву или цветок всего лишь прикосновением да несколькими ласковыми словами. Да еще какое-то поистине сверхъестественное умение выращивать в скупом климате Новой Англии то, что в принципе не могло там произрастать. Слухи о необычайном садоводческом таланте Альтеи тогда всюду полнили Сейлем-Крик. Кто-то списывал это на магию, кто-то – на строгое следование лунному календарю. Но, как бы то ни было, все дружно признавали тот факт, что неплодородная каменистая земля «Фермы Лунных Дев» ни в чем не может отказать Альтее Лун.

Кто будет заботиться об этой земле теперь, когда Альтеи нет на свете?

Вопрос этот больно кольнул Лиззи, когда она пошла с бокалом с шардоне в гостиную. Вскоре земля перейдет к кому-то другому. И дом, и старый сушильный амбар, и засеянные целебными травами поля, и аптечная лавка ее бабушки – все это уйдет из рук ее семьи и окажется в распоряжении чужаков. Лиззи всегда, конечно, знала, что рано или поздно такое случится – что Альтея однажды умрет и с их родовой фермой понадобится что-то делать. Она просто не задумывалась о том, как именно все это будет выглядеть или что ей самой придется с этим разбираться.

Надо будет определиться с материальной стороной дела, найти риелтора, готового организовать дистанционную продажу имения, затем связаться с агентом по недвижимости, чтобы разобраться с содержимым дома. Там нет ничего особо ценного. Но что делать с личными вещами Альтеи? С ее одеждой, любимыми книгами? С многотомным собранием семейных записок, что бабушка держала под замком в своем читальном закутке? Она что, и впрямь готова просто отдать все это в руки незнакомому человеку? А если нет – то кому это все оста-

нется? Уж, разумеется, не ее матери, из-за безбашенности которой как раз и стали рушиться еще стоявшие костяшки домино.

Впрочем, Ранна – это вообще совсем другая история. Причем история, на самом деле так и не получившая конца, поскольку много лет об этой женщине никто и ничего не слышал.

Лиззи оцепенело застыла, примостившись на подлокотнике дивана, – опустошенная, не способная уже на гнев, огорошенная переживаниями нынешнего дня. Солнце за окном начало садиться, проскальзывая в проемы и щели между беспорядочно разбросанными крышами Манхэттена – точно как на тех открытках сепией, что выставлялись в киосках для туристов. Уже три месяца, как она сменила свою крохотную мансарду на квартиру в «Восточной башне», но все никак не могла привыкнуть к открывающемуся отсюда виду. Равно как и к прочим достоинствам, сопровождавшим ее новое фешенебельное жилье. Люк уверял, что она быстро врастет в свое окружение – однако сейчас, обведя глазами комнату, Лиззи по-прежнему воспринимала все чужим. И мебель, и искусную отделку стен. Даже отражение, что глядело на нее сейчас из потемневшего окна, казалось, принадлежало кому-то другому – незнакомке, *при-творяющейся* Лиззи Лун.

За минувшие годы городская жизнь порядком отполировала ее грубые края, не оставив и следа от той девчонки из Новой Англии, которая бегала босиком по плантациям своей бабушки, собирая целебные травы, отчего пальцы у нее вечно были перепачканы зеленым соком, а ногти шершавились от каменистой земли. Хотя, если разобраться, именно поэтому она и перебралась жить в Нью-Йорк – чтобы изжить из себя ту самую девчонку. Чтобы существовать, как *все другие* люди. Незатейливым круглым штырьком в своем простеньком круглом отверстии. Чтобы никаких внезапностей. Никаких странных подозрений. Никакой тайной книги с твоим именем на переплете. А просто... жить, как обычный человек. И во многих отношениях ей это удалось. Покинув Сейлем-Крик, Лиззи успела проделать большой путь... Но не слишком ли большим он оказался? И не случилось ли так, что, пытаясь полностью уйти от прежней жизни, она утеряла в пути самое себя?

Лиззи осушила бокал и, поднявшись, пошла опять на кухню, чтобы наполнить его заново. Она была уже близка к тому, чтобы погрузиться в депрессию – явственно это ощущала. Однако Лиззи не могла позволить себе предаться ностальгии. Как не могла и позволить себе забыть, что именно так решительно побудило ее покинуть Сейлем-Крик.

Восемь лет назад две девочки-подростка к ночи не вернулись домой. Часы ожидания и поисков перетекли в дни, дни – в недели. Хизер и Дарси Гилмэн как будто испарились.

Не прошло и суток, как в городке стали склонять имя Альтеи как самой вероятной виновницы их исчезновения. Что было, собственно, не удивительно. Когда бы что ни случилось в городе: или рано выпавший снег, или чересчур высокий прилив, или вспышка кори – почему-то во всем сразу обвиняли семейство Лун. Кто-то, возможно, говорил это и в шутку – однако многие воспринимали подобные слухи как чистую правду. Все, в чем Сейлем-Крик уступал по части мирских притязаний, с лихвой компенсировалось мистическими суевериями и бурными проявлениями религиозного пыла. Исчезновение дочерей Гилмэнов, естественно, не явилось исключением.

В связи с тем происшествием была организована горячая линия, к их городку снизошло внимание прессы. Проведены были, разумеется, и всенощные бдения – со свечами, воздетыми Библиями, цветами и плюшевыми мишками. А потом, когда вся эта шумиха начала понемногу стихать, поступил неожиданный сигнал. Кто-то анонимно обратился в полицию, утверждая, что будто бы видел, как Альтея одну за другой утопила девушек в своем пруду, после чего закопала рядом некий предмет.

Тут же выписали ордер – и вскоре на берегу пруда нашли две маленькие соломенные куклы. «Куклы вуду», как было указано в протоколе, поскольку они имели некое мистическое сходство с пропавшими девочками, вплоть до одежды, что была на них в вечер исчезновения.

Вот только они были не закопаны, как сообщал анонимщик, – а лишь оставлены у пруда под полной луной вместе с небольшим тряпичным мешочком с солью и семенами тмина. Это был защитный ритуал, как объяснила Альтея полиции, лишь ее попытка помочь девочкам целыми и невредимыми вернуться домой к родителям.

Далее полицейские принялись обыскивать пруд. Уже через час на глазах у половины местных горожан, столпившихся за желтой заградительной лентой, со дна его вытащили тела Хизер и Дарси Гилмэн. Результаты судебной экспертизы не заставили себя долго ждать: у одной девочки был проломлен череп, у другой была сломана шея. Обе явились жертвами насильственной смерти.

Десятилетиями носившиеся по городу слухи поднялись теперь с особой рьяностью, где-то высказываемые шепотом, а где-то громко и в открытую. Про заклинания, про колдовские зелья, про обряды, якобы проводимые нагишом в полнолуние. Про жертвоприношения девственниц. Причем многое распространялось теми самыми людьми, которые знали Альтею всю свою жизнь. Не было никаких реальных доказательств – поэтому в полиции не завели на нее дело. Однако это ничуть не помешало злым языкам болтать. Как не помешало «добропорядочным гражданам» Сейлем-Крика устроить всенощное бдение при свечах, на которое, кстати сказать, явилась половина городка – дабы изгнать дьявола из своей среды. Обычное правило, когда ты невиновен, пока вина твоя не доказана, – не распространяется на тех, кто носит фамилию Лун.

А теперь женщина, которую все подозревали в убийстве девушек, умерла. У всех в городке, поди, это вызвало вздох облегчения! Быть может, даже мэр объявил всеобщие гуляния по этому поводу?

Динь-дон! Ведьма умерла!

Да уж, усмехнулась Лиззи, она не на шутку упивается своим горем. И, может быть, даже уже изрядно под хмельком. Ей, наверное, не помешало бы чем-нибудь перекусить, однако мысль о еде как-то не привлекала Лиззи. Вместо этого, прихватив сумочку и заново наполненный бокал, она направилась по коридору в спальню, собираясь как следует отмокнуть в горячей ванне перед сном.

Она швырнула сумку на кровать, стянула с себя одежду, потом повернулась к тумбочке за бокалом. От броска содержимое сумки рассыпалось по одеялу, в том числе вывалилась и книжечка, которую Эвангелина Бруссар приложила к своему письму. Вид этой книжки подействовал на Лиззи, точно удар в солнечное сплетение, от которого сгибаешься пополам, хоть и заранее его ожидаешь.

Альтеи больше нет.

Чувство утраты внезапно захлестнуло Лиззи, и, тяжело опустившись на кровать, она взяла в руки книжку, прерывисто, в голос рыдая и заливаясь крупными горячими слезами. Разревевшись, она едва заметила небольшой листок бумаги, что выскользнул из середины книги и опустился к ней на колени. Задрожав, Лиззи уставилась на него, мгновенно перестав плакать. Слова местами были размазаны, однако там безошибочно угадывался четкий и аккуратный почерк Альтеи.

«Моя нежно любимая Лиззи!

Если ты читаешь это послание, то уже знаешь, что меня не стало, и понимаешь, почему я попросила отправить тебе эту книгу. Я всегда тебе желала только счастья – и только этого желаю и теперь, – однако я покривила бы душой, если б сказала, будто не питаю надежд, что свое счастье ты найдешь в нашем родовом имени. Я всегда мечтала, что ты вновь окажешься дома, что в один прекрасный день ты вернешься к той земле, которую мы с тобой так любим, и ступишь на великую стезю Лунных Дев, которой мы следовали многие поколения. Ты явилась на свет такой многообещающей, такой на редкость одаренной девоч-

кой. Но ты побоялась оставаться не такой, как все – быть особенной. Тебе так хотелось стать похожей на остальных, что ты готова была отказаться от всех данных тебе даров. Но такие врожденные способности, как у тебя, невозможно просто взять и отбросить. Они по-прежнему таятся в тебе, ожидая, когда их призовут к жизни. Ожидая, когда ты наконец вернешься домой.

Путь нашего рода долгий и полный света, но боюсь, он скоро может прерваться, и наше наследие будет утеряно навсегда. Ты – единственное, что у нас осталось. Последняя и лучшая среди нас. Тебе многое еще предстоит узнать – то, чем я не успела поделиться с тобой до твоего отъезда. И восстановить то, что оказалось разбитым. Раскрыть то, что доселе хранилось в тайне.

Здесь много книг – памятки и наставления от тех, кто был до тебя. Теперь эти записки в твоём распоряжении. Ты теперь хранительница наших секретов. И я лелею надежду, что однажды твоя книга тоже окажется среди них – рядом с моею на полке, – чтобы столь удивительные дарования, как наши, не были утеряны для мира. Однако не мне предстоит сделать этот выбор. Выбор остается за тобой. У каждого из нас своя история, которую мы, осознанно или нет, но так или иначе рассказываем, проживая свои часы и дни. Но, как я уже говорила тебе еще много лет назад: свою историю должна писать только ты, и никто другой.

Какой бы путь ты ни выбрала, знай, что ты всегда в моем сердце. Я с тобой не прощаюсь. Ибо нет расставаний навеки, милая Лиззи, – есть лишь обороты Круга Жизни. Пока же...

А.»

Заливаясь слезами, Лиззи сложила письмо и сунула обратно между чистыми страницами книги. Эти слова не должны были быть преданы бумаге, их следовало высказать лично, глаза в глаза. Не то чтобы бабушкино послание ее сильно удивило. Лиззи всегда знала, чего от нее ожидают – того же, чего ожидалось от каждой представительницы Лунных Дев. Предполагалось, что она произведет на свет дочь и воспитает ее в традициях рода, обеспечив таким образом продолжение их линии – поскольку так делалось на протяжении поколений.

В роду Лун не было мужчин. Ни братьев, ни сыновей. Равно как не было и мужей. Это вовсе не планировалось заранее – а если и планировалось, никто об этом вслух не говорил. Просто женщины рода Лун никогда не выходили замуж, предпочитая жить обособленно – растя своих дочерей и все свои силы сосредоточивая на семейной травяной ферме.

Однако к тому моменту, как маленькая Лиззи пошла в школу, от бывлой процветающей фермы почти ничего не осталось – равно как, по сути, и от семьи, – и Лиззи сильно сомневалась, что за восемь лет ее отсутствия там что-то могло улучшиться. К тому же у нее теперь была своя жизнь – которую она с таким трудом себе создала. Так что пусть лучше кто-то другой возрождает эту ферму. Тот, кому этого по-настоящему хочется.

Однако в ней тут же эхом прозвучали слова Альтеи: *«Здесь много книг – памятки и наставления тех, кто был до тебя. Теперь эти записки в твоём распоряжении».*

Опять все сводится к этим книгам! Вот зачем Альтея договорилась, чтобы Лиззи отправили ее книгу для записей. Дело тут не только в ее истории – а в том, что оставили после себя все женщины их рода, и в том предназначении хранительницы секретов рода Лун, что пало теперь на Лиззи. Сплошное предназначение, и так навеки.

Да, она может нанять риелтора, чтобы выставить ферму на продажу. Она даже может кого-нибудь найти, чтобы убрать из дома мебель и разные бабушкины вещи – но только не эти книги! Лиззи пока даже не представляла, что будет с ними делать – этого они как-то никогда не обсуждали, – но о том, чтобы просто избавиться от них, не могло идти и речи. Каждая из женщин рода Лун владела некой особой формой магии – «тихой магией», как называла ее

Альтея. У Лунных Дев не было никакой белиберды с котлами и свечками, никаких призываний духов, порч и проклятий. Никаких шабашей и полуночных ритуальных костров. Они занимались исключительно целительством, и каждая из рода Лун оставляла о своей жизни и деяниях заметки для потомков – как доказательство того, что они жили в этом мире и творили добро.

Так что ей, как ни крути, понадобится поехать в Сейлем-Крик, сложить эти книги в коробку и увезти – пусть даже она и не придумает ничего лучшего, как просто задвинуть их подальше в чулан. В какой-то момент ей, разумеется, придется подумать о том, что с ними будет, когда не станет ее самой, – когда их просто уже некому будет передать, – но пока вопрос об этом не стоял.

Альтея видела в ней последнюю и лучшую из рода Лун. Но Лиззи таковой себя, увы, не считала. Ее дар – если его вообще можно назвать даром! – был совсем не таким, как у Альтеи. Лиззи не была целительницей, она не умела заговаривать или делать обереги. Она создавала ароматы духов. А с тех пор, как в фирме ее продвинули до креативного директора, то даже лишена была и этого. То есть, сказать по правде: если не считать возможностей ее репродуктивной системы, Лиззи мало что могла предложить роду Лун. Будущим поколениям она не могла передать ничего – ни целительских рецептов, ни глубоких мудростей, ни каких-либо священнодейственных ритуалов.

Однако за книгами она все-таки вернется – хотя бы ради Альтеи. И, может быть, Люк прав. Может быть, ей и правда необходимо побыть какое-то время наедине со своими воспоминаниями. Последний раз взглянуть в глаза той, другой Лиззи Лун, прежде чем расстаться с нею навсегда.

Глава 3

17 июля

Табличка с указателем «Фермы Лунных Дев» настолько выцвела с годами и затерлась, что Лиззи едва различила на ней буквы, сворачивая на знакомую подъездную дорогу. Долгих шесть часов она ехала сюда под непрерывно морозящим дождем, а последний час петляла по вспучившимся после зимы проселкам Нью-Гемпшира, – но наконец все же добралась до места.

Люку она позвонила еще до шести утра – когда знала наверняка, что он в спортзале и вряд ли снимет трубку. В оставленном на голосовой почте сообщении она сказала лишь, что передумала и решила съездить-таки на родину и что позвонит ему, когда определится, сколько это времени займет. После чего выключила телефон, напрочь лишив его возможности перезвонить.

В конце подъездной дороги Лиззи заглушила двигатель и, выходя из машины, еще раз напомнила себе, что приехала сделать то, что должна сделать – исполнить свой последний долг, прежде чем навсегда закроет эту главу своей жизни. Но даже сейчас, уже чувствуя, как внутри нее стягивается тугой узел размером чуть ли не с кулак, она физически ощущала притяжение этого места, глубинную связь с родовой землей, будто вшитую в ее душу.

В их ферме всегда ощущалось что-то сверхъестественное. Казалось, будто она каким-то образом отгораживалась от общего течения времени, существуя как бы отдельно от остального мира, точно сказочная деревушка Бригадун². Как будто это место жило лишь в ее воображении. И тем не менее – вот она, совершенно реальная и осязаемая. Ее детство, сохраненное во времени, – словно некое живое существо, застывшее в куске янтаря.

Здесь, на окраине Сейлем-Крика, не было ничего, кроме открытых пастбищ, в том далеком 1786 году, когда беременная Сабина Лун сбежала из Франции в тогда еще только образованные Соединенные Штаты Америки, имея при себе лишь горсть драгоценностей, зашитых в подол юбки. И этим драгоценностям она нашла хорошее применение, купив за них участок земли в восемь акров, где основала небольшую, но вскоре ставшую вполне процветающей, ферму.

Сабину, разумеется, отвергли жители селения, которые с опаской отнеслись к женщине, столь дерзкой, что осмелилась самостоятельно, без участия мужчины, купить себе землю, а потом и сама обустроить на ней ферму. К женщине, не носившей обручального кольца и никак даже не пытавшейся объяснить окружающим свой раздувшийся живот. Не говоря уж и о незаконорожденной дочери, с которой она в скором времени с гордостью разгуливала у них перед носом. А спустя два года от засухи погибли урожаи у всех местных жителей – за исключением Сабины, у которой по-прежнему все благополучно произрастало. Тогда-то и поползли по городку шепотки о странных обычаях рода Лун, о женщинах, которые никогда не выходят замуж и растят только дочерей, которые выращивают всякие необычные травы, заваривают особый чай и делают обереги.

Даже теперь никто толком не знал, что собою представляют женщины рода Лун, хотя за столько лет нашлось изрядно разных желающих высказать насчет них свое мнение и легко разбрасывающихся такими словами, как «вуду» и «колдовство». И не то чтобы допропорядочные граждане Сейлем-Крика так уж верили в ведьм. Все эти суеверия уже лет сто как вымерли, равно как и обычаи протыкания колом или макания в воду. Однако история с дочками Гилмэнов подействовала на весь город, точно сухая растопка, возродив к жизни досужие домыслы

---

² Бригадун – название загадочной, не существующей на картах, шотландской горной деревушки, которая появляется лишь раз в сто лет и только на один день. Одноименный мюзикл был впервые поставлен на Бродвее в 1947 г. по пьесе Алана Дж. Лернера.

и бабьи сплетни. И хотя убийство девушек так и осталось нераскрытым, нелестные слухи продолжали бродить по городку, а любимая ферма Альтей медленно вымирала из-за недостатка покупателей. Ранна покинула ее первой. Спустя недолгое время в Нью-Йорк уехала Лиззи – в двадцать восемь лет поступив первокурсницей в Университет Диккерсона и устроив свою жизнь как можно дальше от «Фермы Лунных Дев».

А теперь вот эта ферма стала ее собственной.

Окинув взглядом окрестности, Лиззи глубоко вздохнула, пораженная столь вопиющими признаками заброшенности всего хозяйства. Некогда искусно обустроенные позади дома клумбы уже сплошь заросли сорняками, сквозь влажную, буйную зелень которых едва пробивались отдельные чахлые цветки. Поля с лекарственными травами выглядели не лучше. Причем запущенность эта завладела далеко не только землей. Стоявшая позади погибших травяных плантаций старая винодельня, которую Альтей использовала как аптечную лавку, имела тоже сильно обветшалый вид. В вымощенном сланцевым камнем дворике при этом магазине некогда стояли стеллажи с рассаженными по горшкам травами и яркими летниками. Теперь между каменными плитами тоже повсюду пробивались сорняки, полки пустовали, окна были подернуты пылью и песком.

Каково было Альтее видеть все это настолько омертвелым? Знать, что делу всей ее жизни настал конец. И переживать это в полном одиночестве.

За травяными плантациями, будто верный часовой, стоял деревянный сушильный амбар. Его некогда ярко-синие доски теперь рассохлись и выцвели до бледно-голубого, а нарисованные краской облака и молочно-белая луна, украшавшие западную стену, сильно поблекли, напоминая скорее привидения.

Этот небесный пейзаж здесь появился, можно сказать, за одну ночь как очередное проявление непредсказуемой и зачастую эпатажной музыки Ранна. Причудливое произведение искусства изрядно всполошило местных жителей. Одни говорили, что это «торчит как бельмо на глазу», другие язвили, что для таких спокойных городков, как Сейлем-Крик, это чересчур хипповая штука. Но, тем не менее, их необычный амбар вскоре стал в их местности прекрасным ориентиром, и его фото даже появилось в журнале «*Yankee*» в большой статье о неизвестных достопримечательностях сельской Новой Англии.

И даже сейчас, поблекший и растрескавшийся от времени и непогоды, старый амбар вызвал у Лиззи нежную улыбку. Это было ее главным прибежищем в подростковые годы – местом ее уединения, – тихим и прохладным и, к счастью, недоступным для приходявших на ферму покупателей. Кроме того, он явился идеальным местом для обустройства ее импровизированной парфюмерной лаборатории. Теперь, как и вся остальная «Ферма Лунных Дев», это строение представляло собою лишь жалкую тень прежнего себя.

Тряхнув головой, Лиззи отогнала воспоминания и направилась к машине за чемоданом. Она устала после долгой дороги, изрядно проголодалась и к тому же до сих пор мучилась головной болью от похмелья. У нее еще достаточно будет времени для обвинений в свой адрес и упреков после того, как она раздобудет здесь что-нибудь поесть.

Силы природы не пощадили и дома. Выкрашенные в цвет шалфея деревянные стены выцвели, сделавшись скорее серыми, нежели зелеными, оконные перемычки, став пористыми от гнили, провисли. И тем не менее дом стоял – истрепанный ветрами и непогодой, но по-своему горделивый. Такой же стойкий и упрямый, как женщина, построившая его больше двухсот лет назад.

Лиззи вставила в замочную скважину свой старый ключ от дома, провернула и толкнула створку. Дверь со стоном открылась. На мгновение Лиззи застыла на месте, дожидаясь, когда глаза привыкнут к царящему у входа полумраку. Она уже успела забыть, как темно порой бывало в этом доме, особенно в прихожей, где густые раскидистые ветви старого ясеня засло-

няли солнечный свет. Но более всего поразило ее глубочайшее безмолвие, оцепенелость дома – ощущение, будто с уходом Альтей время непостижимым образом остановило ход.

Небольшая гостиная осталась в точности такой, как ее запомнила Лиззи: диванчик в твидовой обивке между окнами, пара потертых кресел с «ушками» перед кирпичным камином, разномастная коллекция оловянной посуды на каминной полке. И портреты, ровными рядками висящие на противоположной стене. По большей части это были далекие от совершенства поделки художников-любителей разных лет – и все-таки каждое заключенное в рамку лицо имело поразительное сходство с соседним. Темные, гладко зачесанные волосы, очень бледная кожа, так что ее можно было назвать полупрозрачной, и характерные серебристо-серые глаза, присущие всем женщинам из рода Лун.

Она выросла под этими внимательными, цепкими глазами, коллективный взор которых был настолько пристальным и напряженным, что ребенком Лиззи частенько старалась вообще избегать этой комнаты. «В каждом этом лике – своя история», – говаривала Альтей, после чего проверяла, помнит ли Лиззи их имена. Сабина. Патрис. Рене. Доротея. Сильвия. Оноре...

Неожиданное шарканье чьих-то шагов позади застало ее врасплох. Резко обернувшись, Лиззи увидела стоящую у основания лестницы незнакомую пожилую женщину с махагоновым цветом кожи. Она была высокой и по-своему красивой – с высоким лбом, широкими скулами и очень коротко, чуть не до «ежика», постриженными волосами с сильной проседью.

– Она говорила, что вы приедете, – произнесла женщина, нарушив неловкое молчание.

– Кто вы?

– Я Эвангелина Бруссар. Можно Эвви.

– Это вы мне послали письмо.

– Я. Дважды, если говорить точнее.

Лиззи вскинула подбородок, раздраженная ее невысказанным укором.

– Я переехала.

Эвви не торопилась с ответом. Прищуренными глазами она оценивающе разглядывала Лиззи с головы до пят.

– Вы забыли сообщить об этом своей бабушке, – молвила она наконец.

Лиззи на миг закрыла глаза, неприятно удивленная исходившим от этой женщины запахом уксуса и гнилых персиков.

Духом неодобрения.

В этом как раз и состоял ее дар. В способности судить о человеке, о его чувствах и настроении, исходя из его запаха. В точности как распознавать чью-то ауру – только не глазами, а носом. Проявилось у Лиззи это в ту пору, когда она достигла половой зрелости. Как объяснила ей Альтей, именно в это время и «дозревают» обретенные при рождении дары.

Сначала находившие на нее вдруг озарения шокировали Лиззи: она ощущала некое беспорядочное нагромождение запахов, редко когда содержащих какой-то смысл. Но постепенно Лиззи научилась расшифровывать то, что улавливало обоняние, и даже использовать это в своих интересах – точно сигнал радара, предупреждающий о возможных угрозах. Однако с тех пор, как она покинула Сейлем-Крик, ее навыки стали проявляться лишь изредка – словно отъезд с родовой фермы каким-то образом понизил ее восприятие. И вот теперь она внезапно вновь получила четкий сигнал – и это был знак неодобрения.

– Я собиралась ей об этом сообщить, но... – Лиззи умолкла, раздраженная тем, что чувствовала необходимость объяснять все это совершенно постороннему человеку. – А что вы здесь делаете?

– То же могу спросить у вас и я.

– Да, но сейчас я спрашиваю. И поскольку это дом моей бабушки, то, думаю, я вправе потребовать ответ.

– Я была ее подругой, – без малейших эмоций ответила Эвви. – Кто бы еще мог написать вам то письмо?

Лиззи чуть склонила голову набок, пытаясь разгадать эту странную женщину. В ее голосе была какая-то особенная мелодичность – ее слова звучали то выше, то ниже, будто следуя нотам некой песни. Он был красивым и музыкальным – и в то же время внушающим какую-то необъяснимую тревогу. Или, может быть, так действовали глаза этой женщины – зеленые, с медными крапинками, – не позволяющие устремить в них прямой взгляд.

– Я предположила, что Эвангелина Бруссар была у Альтей адвокатом. Или представляла похоронное бюро. Но никак не ожидала вас увидеть здесь.

Эвви недовольно фыркнула.

– Вот тут мы, пожалуй, квиты. Я тоже не ожидала вас увидеть. Зачем вы сюда приехали? Теперь? После стольких лет?

Лиззи попыталась найти ответ на этот вопрос – но правда была в том, что ответа у нее не было. А если и был, то не такой, каким бы ей хотелось с кем-то поделиться.

– После бабушки осталось кое-что, о чем бы мне хотелось позаботиться лично. Те вещи, которые она несомненно хотела передать мне.

Эвви снова сощурила глаза, однако ничего не ответила. Коротко и безразлично кивнув, женщина развернулась и зашуршала по деревянному полу своими старенькими меховыми башмаками, похожими на угги, в сторону кухни.

Лиззи последовала за ней, только теперь обратив внимание, что на Эвви надет один из принадлежавших Альтее фартуков с цветами.

– Вы что-то готовите?

– Ужин.

Женщина приподняла крышку на суповой кастрюле, томившейся на плите. Попробовав содержимое на вкус, она выудила из ближайшего шкафчика жестяную баночку и добавила в варево щепотку какой-то приправы.

– Вы здесь живете? – спросила Лиззи, до которой потихоньку начали доходить новые обстоятельства.

Эвви развернулась от плиты, по-прежнему сжимая в руке ложку.

– Живу. Покуда вы не явитесь меня отсюда вытурить.

Лиззи едва сдержалась, чтобы не испустить шумный вздох. Она слишком устала, чтобы вообще с кем-либо ломать копыя, а уж тем более с совершенно незнакомым ей человеком.

– Я приехала не для того, чтобы вас вытуривать. Я вообще даже не знала, что вы здесь живете. Вы при ней были... вы о ней заботились?

Эвви положила ложку и вытерла ладони фартуком.

– Она меня не нанимала сиделкой, если вы именно об этом спрашиваете, но, наверное, да, я за ней присматривала. Разве не так поступают друзья – заботятся друг о друге?

Лиззи почувствовала, как у нее загорелись щеки.

– Я не имела в виду... Простите... Я просто пытаюсь понять...

– Голодны?

Лиззи моргнула в недоумении:

– Что?

– Голодны? – повторила Эвви с такой отчетливостью, словно обращалась к безнадежно глухому дитя. – Вы хотите есть?

– Да, наверное...

– Вот и хорошо. Накрывайте на стол.

В молчании они ужинали вдвоем за кухонным столом – каким-то блюдом из риса с фасолью и помидорами, с лихвой приправленным разными специями. Оно имело восхитительный вкус и казалось экзотическим, полным ароматов какой-то национальной кухни, которую Лиззи

не могла с ходу определить. И, к счастью, в блюде этом не было мяса, что избавило ее от заведомо неловкой дискуссии о вегетарианстве.

– Она ни разу даже не обмолвилась мне, что болела, – сказала Лиззи, когда молчание за столом стало невыносимо напряженным. – Иначе я бы обязательно к ней приехала.

Эвви кивнула, обмакивая край хлебной корочки в мед.

– Она это понимала. Потому ничего вам и не сказала. Даже когда был близок конец и я упрашивала ее вам позвонить. Она была упрямой старушенцией. И говорила, что и вы тоже такая. И почему-то, знаете, мне нетрудно в это поверить.

Лиззи опустила глаза к тарелке, ковыряясь вилкой в еде. Что было такого в этой женщине, отчего Лиззи перед ней чувствовала себя провинившейся школьницей?

– Она хотела, чтобы вы сами пожелали сюда приехать, – добавила Эвви, слизывая с пальцев мед. – А поскольку такого желания у вас не возникало, она хотела, чтобы вы были счастливы там, где бы вы ни были. Вот насколько она вас любила. Настолько сильно, что сумела отпустить.

Лиззи отложила вилку и вытерла губы салфеткой.

– Я не просто взяла и оставила ее тут, Эвви. Я поехала учиться – это всегда было у меня в планах. Я никогда и не скрывала, что хочу выбраться из этого городка. А когда меня приняли в Диккерсон, я поняла, что этому пришла пора. Альтея очень огорчилась, что я уезжаю, но она это поняла.

– Она знала, что если попытается вас здесь удержать, то потеряет навсегда. И, судя по всему, она была права – потому что наконец вы все же сюда приехали.

– Тогда зачем вы попрекаете меня моим отъездом?

Эвви подняла на Лиззи свои медно-зеленые глаза.

– Я вовсе вас не попрекала. Во всяком случае, не тем, что вы думаете. Вопрос не в том, что вы уехали. Это я как раз отлично понимаю. У каждого есть право отправиться искать себя – однако, когда поиски завершились, необходимо вернуться домой, оценить то, что осталось позади, и открыто посмотреть правде в глаза. – Она на миг умолкла, отодвигая тарелку, после чего цепким взглядом вперилась в Лиззи: – Или, может быть, на самом деле вы еще просто себя не нашли?

Последняя обмолвка вызвала у Лиззи раздражение – ради чего это почти наверняка и было сказано. Но все же было кое-что, чего Эвви явно не понимала.

– Есть одна причина, Эвви, по которой мне так сильно хотелось уехать из Сейлем-Крика. Тогда здесь кое-что произошло...

– Я в курсе той истории с девушками, – оборвала ее Эвви. – И знаю, что тогда подумали люди, что они насчет этого говорили и как они после этого относились к вашей бабушке. И о вашей матери я тоже знаю: как в тот день в кофейне она словно лишилась рассудка и наговорила ужасных вещей, проклиная весь этот город. Как потом наскоро собрала свои манатки и умчалась невесть куда, оставив после себя полный кавардак. Я все это знаю.

Встретившись на миг глазами с Эвви, Лиззи сразу поняла, что та действительно все знает. Или почти все...

– И здесь по-прежнему обо всем этом судачат? В смысле, об Альтее? Неужели люди до сих пор считают...

И вновь Эвви ее перебила:

– Я не слышала здешних слухов, если вы об этом спрашиваете. Меня в это посвятила ваша бабушка. А что касается жителей городка – то я знать не знаю, что они там думают. Во всяком случае, при мне никто ни разу и слова насчет этого не сказал. Да и вряд ли кто бы посмел это сделать.

Внезапная напряженность в голосе Эвви немного огорошила Лиззи.

– Почему же?

– Видимо, им лучше знать. – На губах у Эвви появилось подобие улыбки, слегка обнажившей ее зубы – белые и ровные, точно искусно нанизанный на нитку жемчуг. – Мне кажется, меня здесь немного побаиваются. Такие лица, как у меня, в Сейлем-Крике, скажем, встречаются нечасто.

Теперь пришла очередь улыбнуться Лиззи. Ей совсем нетрудно было поверить в то, что жители Сейлем-Крика побаиваются Эвви. Выглядела та чрезвычайно грозно и внушительно. И все же что-то в этой женщине было необъяснимо для нее, комфортное, внушавшее странное ощущение чего-то очень знакомого и близкого.

– Расскажите мне о бабушке, – тихо попросила Лиззи. – Долго она болела?

– Посуда!

– Простите, что?

Эвви резко поднялась на ноги, скрипнув ножкой стула по дубовой половице.

– Мы можем поговорить об этом, пока моем посуду. Несите свою тарелку.

Пока Эвви наполняла раковину, Лиззи закончила убирать со стола. Так несказанно приятно было вновь хлопотать на этой кухне, где они с Альтеей провели когда-то столько счастливых часов – словно надеваешь старенькие домашние тапочки, которые уже очень долго не носил. И на мгновение Лиззи удалось даже забыть всю ту ужасную череду событий, навсегда изменившую их жизнь. Или почти забыть.

– Итак, бабушка... – напомнила Лиззи, принимая у Эвви мокрую тарелку.

– Печень, – сказала Эвви, выуживая очередную тарелку из мыльной воды. – Взяла и отказала. Когда Альтея наконец не выдержала и обратилась к врачам, те уже ничего не могли сделать. Порой в нас что-то просто изнашивается. И она не хотела никакой героики. Вы же знаете, какой она была. Никогда ни из чего не делала шумихи.

– Вы были рядом, когда она?... – Лиззи оставила вопрос недоговоренным, не в силах произнести это слово вслух.

– Была.

– А ее пепел... тоже вы?

– Угу, – под нос буркнула Эвви.

Горло у Лиззи внезапно засадило, точно от множества острых бритв. Она отложила полотенце и обеими руками схватила мыльную ладонь женщины:

– Я даже не знаю, что сказать, кроме великого спасибо! За то, что были ей другом. За то, что вообще были здесь, с ней рядом. Что сделали для нее все то, что было необходимо. Это должна была сделать я. С ней должна была быть ее семья.

Эвви подняла глаза от раковины, смаргивая непрошеные слезы. Ее подбородок заметно дрожал.

– С ней и была ее семья, – хрипло произнесла она. – Семья – это не обязательно узы крови. Иногда ты просто распознаешь в ком-то близкого и принимаешь к себе. Именно так и сложилось у нас с вашей бабушкой. Мы были с ней родные души. Связанные особым родством.

Глядя на Эвви, с ее кожей цвета красного дерева и зелеными глазами с медно-рыжими крапинками, почти невозможно было представить, что между ней и Альтеей могло быть какое-то духовное родство. И все же Лиззи поверила в это без труда.

– Я рада, что у нее были вы, Эвви. Что с ней рядом был кто-то, кто ее любил.

Взгляд Эвви потеплел.

– Иди-ка ты теперь наверх, отдохнуть, – мягко сказала она, как-то естественно перейдя на «ты». – Я здесь сама уже управлюсь. Ты явно вымоталась за день.

Лиззи согласно кивнула. «Вымоталась» было самым что ни на есть удачным словом, способным описать ее состояние после событий последних двадцати четырех часов. Она направилась было к прихожей за своим чемоданом, но Эвви ее остановила на полпути:

– Чуть не забыла. Я живу в бывшей твоей комнате, так что тебе придется воспользоваться спальней Альтеи. Постель там разобрана, но в чулане в коридоре найдешь чистое постельное белье. Утром я принесу в ту комнату твою одежду и прочие вещи. – Она чуть помолчала, скептически разглядывая узенькие джинсы Лиззи и ее модные черные ботинки. – Здесь тебе, пожалуй, понадобится нормальная одежда.

Лиззи могла еще согласиться с критикой в адрес своего гардероба, однако сразу заартачилась насчет идеи ночевать в спальне Альтеи. Почему-то это показалось ей неправильным, непочтительным. Даже вторжением в каком-то смысле.

– Я лучше воспользуюсь бывшей комнатой Ранной. Тем более, я здесь всего на пару-тройку дней.

Но Эвви помотала головой.

– Не получится. Комната Ранной сейчас скорее склад, нежели спальня. К тому же твоей бабушке было бы очень приятно, если бы она узнала, что ты ночуешь в ее спальне.

– Не думаю...

– Иди, иди, – с мягкой настойчивостью поторопила ее Эвви. – Она бы точно этого хотела.

Комната Альтеи находилась сверху, у самой лестницы. Взявшись за круглую дверную ручку, Лиззи на миг закрыла глаза, внутренне готовясь к тому шквалу эмоций, что обрушится на нее по ту сторону двери. Открыв створку, она немного задержалась в проеме, вылавливая взглядом давно знакомые мелочи бабушкиной обстановки: томик стихов Джалаладдина Руми, которого так любила читать Альтея, кусочек оленьего рога, что они вместе обнаружили однажды, гуляя по лесу, резную деревянную чашу на ночном столике с гладкими «камушками желаний».

В конце концов, «втянуло» Лиззи в комнату бабушкино трюмо. Когда она была ребенком, это было самым ее любимым местом во всем доме – тем самым местом, откуда и началось ее серьезное увлечение парфюмом. Герань, жасмин, пачули, сандаловое дерево – это бесконечное множество ароматов, которые смешиваются всякий раз необычно, по-новому. Точно краски на палитре художника – только для обоняния. И сколько себя помнила Лиззи, бабушка всегда рассказывала ей почти что сказочные истории о редкостных талантах женщин рода Лун, каждая из которых была наделена своим особым, тихим способом стать исключительно полезной в этом мире. И вот однажды, сидя перед этим самым трюмо, Лиззи обнаружила и для себя вариант такой же «тихой магии» – таинственную, восхитительную алхимию ароматов.

Инстинктивно она поняла, что запахи являются своего рода лекарством, что их природная способность поднимать настроение и пробуждать эмоции может сделать их чрезвычайно эффективными для восстановления сил и улучшения самочувствия. Благодаря своему необычному дару Лиззи также уяснила для себя, что каждый человек обладает неким собственным, отличительным запахом – индивидуальным, как отпечатки пальцев, – набором этаких обонятельных маркеров, которые в совокупности действуют как личная подпись. Это открытие стало впоследствии основой всей ее карьеры в мире парфюмерии.

В день своего четырнадцатилетия Лиззи заявила о намерении заключить в стеклянный пузырек безмерную любовь Альтеи к земле. Это был немисливо ребячливый замысел – заключить куда-то чувства и эмоции, точно светлячков в банку, – однако Альтея не стала внучку отговаривать и вразумлять, даже при том, что Лиззи совершенно не представляла, с чего начать. Она просто следовала своему чутью – и в конечном счете остановилась на лаванде, поскольку она пахла землей, и бергамоте, который нес в себе запах солнца. И вместе они пахли, как Альтея. Несколько месяцев спустя Лиззи осуществила свое намерение, представив миру незамысловатые, из двух лишь нот, духи, названные ею «Альтея» – в честь женщины, вдохновившей ее на это творчество.

Стеклянный пузырек она присмотрела в запыленном углу одной из комиссионных в центре города и, чтобы его приобрести, сэкономила необходимую сумму с денег на завтраки. Скланка

по-прежнему стояла на бабушкином трюмо – квадратная, с тяжелым основанием и продолговатой конической пробкой. С тех пор она множество раз наполнялась заново, однако сейчас была пустой, храня лишь на доньшке высохшую, вязкую смолистую массу. Тем не менее Лиззи вытянула из пузырька пробку, надеясь поймать дуновение характерного запаха своей бабушки, – но с горьким разочарованием ощутила лишь приторный дух окислившихся масел.

Охваченная вновь подступившей горечью потери, Лиззи поставила флакон на место. Эта боль от осознания отсутствия Альтеи пронзила ее едва не физическим страданием. Понурясь, Лиззи побрела в укромный, со скошенным низким потолком, уголок спальни, который некогда служил кладовкой, пока Альтея не обустроила там себе читальню – снабдив его книжными полочками и поместив туда кресло для чтения. За долгие годы бабушка приобрела много дорогих вещей – но ничто не было для нее настолько ценно, как книги. Эти ее «грешные удовольствия», как она их называла, идеально подходили для того, чтобы приятно скоротать холодные зимы Новой Англии.

Еще здесь имелся небольшой книжный шкаф – застекленный, всего в три полки, с дверцами, запирающимися маленьким медным ключиком. Лиззи наклонилась посмотреть сквозь стекло. Там стояли книги дневников и записей рода Лун. Девочкой она всегда благоговела перед ними, проникаясь всей той важностью, которую они собой являли. Лиззи рисовала в воображении, как женщины рода Лун – все как одна незамужние – ночь за ночью сидят у огня, кропотливо записывая свои тайные послания для тех, кто будет следовать за ними по родовой Стезе. И теперь, как и вся «Ферма Лунных Дев», эти книги принадлежали ей.

Ключ Лиззи нашла именно там, где всегда хранила его Альтея – в ящике трюмо. Когда она открыла дверцу шкафа, на нее повеяло запахом кожи и старой бумаги, и на мгновение Лиззи даже задержала дыхание – точно ребенок, который боится, что его сейчас застукают с уже запущенной в банку с печеньем пятерней. Вот только здесь не было никого, кто мог бы отругать ее или одернуть.

Лиззи провела рукой по твердым ребристым корешкам стоящих ровным рядом книг, ощущая кончиками пальцев прохладную кожу переплета, потом опустилась на колени и вытянула первую.

«*Книга Сабинь*». Той женщины, с которой, собственно, здесь все и началось.

Лиззи стала медленно перелистывать страницы. Чернила уже выцвели до бледно-бурого цвета, изящные и витиеватые росчерки пера затрудняли чтение написанного. А постоянное смешение английского с французским лишь усугубляло понимание. Впрочем, Лиззи и не требовалось этого читать – она и так уже все знала наизусть. О том, как Сабину предал мужчина, которого она любила. И как она бежала, спасаясь от травли. Как всеми силами пыталась выжить с крохотной дочкой на руках. И как оставила после себя непреложный наказ, чтобы ни одна женщина из рода Лун не позволила себя связать брачными узами – из опасений, что других точно так же предадут и род прервется. Эта семейная легенда рассказывалась и пересказывалась, передаваясь из поколения в поколение.

Лиззи сунула книгу обратно на полку и пробежала глазами по остальным корешкам. Так много женщин рода Лун – и каждая здесь поведала свою историю. *Патрис* – первая из Лун, родившаяся на земле Соединенных Штатов. *Рене* – единственная из семьи Лун, которая произвела на свет сына. Бедняжка прожил всего несколько часов – в отличие от своей сестры-двойняшки *Доротеи*, которой удалось добиться в жизни благополучия и успеха. Злые перешептывания насчет смерти мальчика преследовали Рене всю ее оставшуюся жизнь. *Сильвия* – эпатировавшая весь город тем, что открыто и без малейшего стыда или стеснения жила с женщиной по имени Рейчел Конклин. *Аврора* – которая шокировала своих соседей ежедневными прогулками по окрестным лесам, не имея на себе ничего, кроме обуви. *Оноре* – которая после четырех мертворожденных девочек наконец, уже будучи в сорокачетырехлетнем

возрасте, сумела дать жизнь пятой дочери – Альтее. И, разумеется, стояло здесь и последнее дополнение коллекции – «Книга Альтей».

Вот они все стояли перед ней... плюс еще одна, какая-то неизвестная книга. Нахмурившись, Лиззи поглядела на последний корешок – тоже кожаный, но не черный, как все остальные, а темно-бордового цвета, украшенный цветами и виноградными лозами. Прежде она ни разу эту книгу не видела. Возможно ли, что Ранна после всего случившегося оставила-таки после себя книгу? Это было настолько в ее духе – нарушить традицию и как последний жест неповиновения сделать свою книгу в столь броском переплете.

Но что могла такого важного записать в книге ее мать? Быть может, извинения за свое безрассудное поведение и за то, что долгие годы следовала в своей жизни неудачному выбору? Лиззи сильно в этом сомневалась. Раскаяние никогда не было свойственно Ранне.

И, тем не менее, Лиззи уже всюду завладело любопытство. Она вытянула с полки не похожий на другие томик и положила себе на колени. Книжка была толстой и странным образом разбухшей, переплет застегивался маленьким медным замочком-крючком. Лиззи откинула крючок и раскрыла книгу, ожидая увидеть там округлый, с обратным уклоном почерк матери. Но вместо этого нашла сложенный вчетверо квадратик вошеной бумаги, сунутый между переплетом и первой страницей. Лиззи развернула его – и с удивлением обнаружила там бережно высушенную веточку розмарина. Недоуменно заморгав, Лиззи взглянула на открытую страницу книги – и узнала аккуратный убористый почерк Альтей.

«Розмарин... Для памяти

Моя драгоценная девочка!

Ты должна простить мне, милая Лиззи, что я скрывала от тебя секрет. У меня были весомые причины не желать, чтобы ты узнала о моей болезни. Я не хотела, чтобы ты вернулась сюда только из-за меня, влекомая лишь чувством долга. Я совершила столько промахов с твоей матерью, когда она была совсем юной. Я полна была решимости заставить Ранну следовать моим путем вместо ее собственного, хотя уж я должна была бы понять свою ошибку лучше, чем кто-либо другой. И я не собиралась взваливать такую ношу на тебя. Мне хотелось, чтобы ты свободно могла расправить крылья – и прилететь к родному дому лишь тогда, когда тебя приведет сюда сердце. Если ты читаешь то, что здесь написано, – то, может статься, это все-таки случилось.

Круг моей жизни совсем скоро сомкнется – как и всякий земной круг, – но у меня еще осталось немного времени, и потому я решила взяться за перо. Ибо таков наш способ наставлять своих потомков: все время возвращаться к истории рода и извлекать из нее то, что неизменно следует помнить. Нам никогда нельзя забывать, кто мы такие. Того, как многого мы сумели добиться и сколько пережили невзгод по вине тех, кто боится непонятного.

Ты знаешь историю Сабины. Знаешь, что она приехала из Франции – одна, с ребенком в утробе, спасаясь от местных властей. Но ее разыскивали вовсе не за какое-либо преступление – а за то, во что она верила и какой путь себе избрала. Уже давно минули времена, когда таких жесниц сжигали на кострах, но все равно по-прежнему находились такие – и было их на самом деле немало, – которые крепко держались за свои предрассудки. Видишь ли, такие люди время от времени востребованы в обществе – они выступают против жесниц, осмеливающихся поднять голос и потребовать того, что принадлежит им по праву.

Такое и произошло с Сабиной. Ее возлюбленный был помолвлен с другой. Когда он узнал о зачатом ребенке, то донес на Сабину, обвиняя ее в самых отвратительных вещах, и дал против нее показания под присягой. Ее бы, конечно, не сожгли. К тому времени подобное уже не практиковалось. Но против нее бы завели дело – обвиняя в непристойном поведении или воровстве, или еще в чем-либо. И ее бы непременно отправили за решетку, если не хуже. Потому

Сабина бежала из Франции и начала жизнь с нуля. Она научилась вести хозяйство, обеспечивая себя и своего ребенка. Без участия мужчины и не заботясь о мнении окружающих, она пробивала себе путь в этом мире, полагаясь лишь на собственную ферму да на свой природный дар. И этот дар – это сакральное знание о травах и целительстве – Сабина передала нам, потомкам, оставив свой след в мире и помогая другим.

Вот кто мы такие, Лиззи.

Одиноким воительницы, матери, целительницы.

В мире всегда будут встречаться люди, которые нас боятся, они готовы сочинять о нас разные небылицы, чтобы как-то прикрыть собственный страх. Они будут указывать на нас пальцем и называть оскорбительными словами. И да, конечно – про нас будут много лгать. Однако мы не можем допустить, чтобы это как-то изменило то, кем мы являемся на самом деле, и дать потускнеть тому свету, что в нас живет.

Ты всегда была таким умным ребенком, Лиззи. Такой смысленной и на редкость наблюдательной. Нигде не упускала ни малейшей детали. А твое удивительное обоняние! Ты была совершенно особенной девочкой, настолько одаренной, как не была одарена ни твоя мать, ни даже я, если признаться честно. Я распознала это еще в твоём малолетстве – сумела увидеть это исходящее из тебя сияние задолго до того, как ты узнала о нём сама. А потом, когда ты начала о нём подозревать – ты принялась с этим бороться. Ты хотела такой же жизни, как у всех. С катанием на пони и рождественскими елками, с ночными посиделками в кругу подружек. И вряд ли я смею винить тебя за это. Сейлем-Крик – не то, конечно, место, где легко живётся особенному человеку. И нет на свете никого более беспощадного, чем дети, обнаружившие, что кто-то среди них ощущает себя в своей шкуре неудобно. К тому же все это усугубляли эскапады твоей матери, которая вечно поднимала возле себя шумиху, рассчитывая привлечь к себе внимание. Её никогда не заботило то, что эти выходы притягивали всеобщее внимание и к тебе. То внимание, которое для тебя вовсе не было желанным.

Ты предпочитала находиться в одиночестве. Твоими друзьями были книги, ароматические масла и твои духи. И ты делала вид, что вполне этим довольствуешься. Однако это было не так – и, знаешь, это тяжело было видеть. Ты была настолько красива – и притом вечно от всех пряталась, пытаясь стать невидимкой.

А потом... случилась история с этими бедными девочками.

Для меня было мучительно больно узнать, что жители города считают, будто я способна на такое. Убийство! Но зачем?! Что я могла бы обрести, отняв жизнь у двух прекрасных юных девушек? Однако стоит какой-то нелепой идее пустить корни в умах людей, их уже невозможно как-то переубедить. Шепотки разгорелись – и все, уже не остановишь! Но куда тягостнее было наблюдать, как эти пересуды действуют на тебя. Каждый день я видела, что ты все больше отстраняешься от меня, и не в силах была что-либо сделать. А потом, когда уехала твоя мать, я поняла, как сильно ты тоже хочешь покинуть городок, чтобы оказаться подальше от всего этого.

Я не виню тебя – и никогда не стану винить – за то, что ты уехала учиться. Из тебя выросла совершенно особенная женщина – именно такая, какой я тебя и представляла, – живущая той жизнью, которую сама для себя создала. И я так горжусь тобой за это – за то, что ты сумела проложить в мире собственную стезю.

Ты в этом отношении очень похожа на Сабину. У тебя та же воля и крепость духа. Я в юности такой сильной не была. Я попала в уже имевшуюся передо мною колею и двинулась тем путем, что уже для меня проложили. Я была слишком неуверенна и боязлива, чтобы сойти с этой дороги, чтобы найти свой способ быть одновременно и тем, кем я хочу, и такой, какой меня ожидают видеть. У меня не было твоей духовной силы – хотя тогда мне очень этого не хватало. Многое становится так ясно и очевидно, когда оглядываешься на это из-за чьего-то плеча!

У меня нет никаких сожалений – а если и есть, то их совсем мало, и с годами они порядком поблекли. Однако теперь я понимаю, что в жизни существует бесконечное множество путей. Какие-то из них верные и хорошо найденные, какие-то – обманчивые. Но какой бы путь ты ни выбрал, нельзя идти по нему с чувством вины или с горечью в сердце.

Вот почему я и написала для тебя эту, уже вторую, книгу – „Книгу воспоминаний“, – не для будущих потомков, а для тебя, моя Лиззи. Чтобы ты вспомнила, как все у нас с тобой было – до того, как пошло наперекосяк и стало рушиться. О тех счастливых днях, что мы делили с тобой, когда ты была маленькой. О тех маленьких наставлениях, что я тебе тогда давала, и о твоей любви к земле. О тех вещах, что навеки останутся твоим кровным наследием. А потому я очень прошу тебя прочитать оставшиеся страницы. Только делай это неторопливо – как я учила тебя, когда ты была совсем юной и жаждала узнать все в одночасье. Впитывай в себя слова этой книги понемногу, по чуть-чуть, придерживая их у сердца. А потом, когда будешь готова, снова к ней вернись. Поверь мне, милая моя девочка: ты почувствуешь сама, когда наступит время для этого.

А...»

Глава 4

18 июля

Лиззи просыпалась медленно, точно поднимаясь с бездонной глубины. Она лежала полностью одетой под слегка обтрепанным лоскутным покрывалом, которое она, должно быть, ночью натянула на себя во сне. Вечером она даже не потрудилась переодеться, а уж тем более – пойти искать постельное белье. Просто свернулась поудобнее на голом матрасе с книгой Альтеи в руках и принялась читать.

«Книга воспоминаний».

Даже теперь, после своей кончины, Альтея продолжала нести ей родовое учение, напоминая Лиззи, кем она является и от кого произошла. Однако один фрагмент книги неожиданно поразил ее настолько, что Лиззи вернулась к нему и перечитала еще несколько раз.

«Я в юности такой сильной не была. Я попала в уже имевшуюся передо мною колею и двинулась тем путем, что уже для меня проложили. Я была слишком неуверенна и боязлива, чтобы сойти с этой дороги, чтобы найти свой способ быть одновременно и тем, кем я хочу, и такой, какой меня ожидают видеть. У меня не было твоей духовной силы – хотя тогда мне очень этого не хватало».

Чувствовался ли в этих словах оттенок сожаления? Тихая грусть по чему-то, давно утраченному или оставшемуся нереализованным? Трудно было представить, чтобы Альтея желала чего-то большего, нежели то, что имела. Она как будто всегда была четко на своем месте, всегда жила любовью к собственному делу и к широко раскинувшимся, цветущим полям «Фермы Лунных Дев». И все же слова «попала в уже имевшуюся передо мною колею» как будто намекали на некое разочарование. А еще упоминалась «горечь в сердце» – хотя это, наверное, было несколько проще объяснить. Если оказаться заклеянным в убийстве и потерять все, что тебе так дорого, не причина для «горечи в сердце», то ничего иного Лиззи и предположить не могла.

Книга лежала на тумбочке у кровати. Лиззи опустила ладонь на крышку переплета, томясь любопытством: что же еще поведает ей Альтея? Искушение продолжить чтение было ночью почти неодолимым, однако бабушка призвала ее *«впитывать в себя слова этой книги понемногу, по чуть-чуть, придерживая их у сердца»*. А поскольку это была последняя просьба Альтеи, то Лиззи считала должным отнестись к ней с уважением.

Она прошла к двери и выглянула в коридор. Эвви не было видно и слышно, однако на боковом столике Лиззи нашла аккуратно сложенные зеленые вельветовые брюки и белую хлопковую блузу, а рядом на полу – пару своих стареньких ботинок на шнурках. Проведя пальцами по обшарпанной обуви, Лиззи улыбнулась, неожиданно для себя обрадовавшись, что их видит – словно старых друзей, которые вроде остались где-то позади, но все же не совсем были забыты. Трудно было не признать, с каким удовольствием она избавится на несколько дней от каблучков и от дресс-кода.

Наскоро приняв душ, Лиззи спустилась на первый этаж. Эвви сидела в кухне за столом, проглядывая утренний выпуск «*The Chronicle*» сквозь простенькие очки для чтения в яркосиней оправе. Когда Лиззи вошла в кухню, Эвви пригнула уголок газеты, быстро окинув взглядом ее облачение.

– Уже лучше, – бесстрастно отметила она. – Прямо будто здешняя.

– Спасибо. Здесь – чисто случайно – кофе не найдется?

– Нет, только чай, – ответила Эвви. – А в духовке для тебя – тарелка с яичницей.

У Лиззи не хватило духу ей объяснять, что обычно она вообще не завтракает. Или что не может как следует работать без утреннего кофе. А потому она вытащила из духовки тарелку,

с ужасом поглядев на целую гору яичницы и жареной картошки. Столько еды она и за день-то обычно не съедала – не то что на завтрак!

Эвви, подняв брови, изучающе поглядела на нее:

– Что, не ешь яйца?

– Нет, ем. Просто я чаще всего вообще не завтракаю. А тут – прямо огромный завтрак.

– Хм-м... – Эвви вновь оценивающе смерила ее с головы до пят. – Если хочешь знать мое мнение, немного мяса тебе на костях не повредит. Там, в Нью-Йорке, вас что, совсем не кормят?

Лиззи пропустила ее замечание без ответа, предпочтя сменить тему разговора.

– Расскажите мне о себе, Эвви, – попросила она, садясь со своей тарелкой за стол. – Как вы познакомились с бабушкой и как получилось, что вы перебрались сюда жить?

Эвви сняла очки с кончика носа и положила их на стол.

– Это пчелы.

– Пчелы? – с недоумением переспросила Лиззи.

– Выгляни в окно.

Вытянув шею, Лиззи поглядела в окошко, выходящее на задний двор. Не сразу, но через пару-тройку секунд она наконец различила слева от старой бабушкиной теплицы три одинаковых вертикальных ящика, покрашенных в пастельные тона. «Пасека», – вспомнила она их общее название.

– Так вы разводите пчел?

– Не развожу. Лишь ухаживаю. А еще делаю ювелирные украшения. Большей частью браслеты.

Лиззи кивнула, пытаясь представить, что подразумевает под собой ухаживание за пчелами. Но тут вдруг поняла, что Эвви, по сути, и не ответила на ее вопрос.

– А как вообще связаны пчелы с моей бабушкой?

Эвви резко встала из-за стола, пересекла кухню и поставила на плиту чайник.

– Это моя сестра, – сказала она, доставая из шкафчика чашки. – Не помню сейчас уже, зачем, но несколько лет назад ей случилось здесь оказаться, и она заглянула в лавку твоей бабушки. Когда она вернулась домой, то ни о чем другом и говорить не могла: какие удивительные вещи делает Альтея, как у нее тут все диковинно – и какая сама она необыкновенная. А потому я написала ей письмо, предлагая поставлять часть моего меда в ее магазинчик. И она согласилась. После этого мы еще много переписывались. – Эвви помолчала, ностальгически улыбаясь. – Эта женщина знала толк в письмах.

Лиззи тоже улыбнулась:

– Да, что верно, то верно.

Эвви потянулась за чайником, едва он начал свистеть. Закончив заваривать чай, она принесла на стол две кружки и вытащила из кармана фартука маленькую баночку с медом.

– Мед с «Фермы Лунных Дев», – с гордостью сообщила Эвви. – Можно сказать, прямо с пасеки.

Лиззи приняла в руки баночку, покрутила в ней ложкой и, намотав полную, положила себе в кружку. Эвви между тем села обратно на свой стул.

– Итак, вы рассказывали, как оказались здесь, на ферме, – напомнила ей Лиззи.

– Два года назад она пригласила меня в гости. – Эвви ненадолго умолкла, пожимая плечами и накладывая себе в кружку изрядную порцию меда. – Назад я так и не вернулась.

– Назад – это куда?

– В Батон-Руж.

– Но акцент у вас как будто не чисто южный. Явно еще что-то примешивается.

– *Kréyol la lwizyàn*³, – выразительно проговорила Эвви, подняв лицо над ободком своей кружки. – Креольский акцент. Народ моей мамы пришел из Вест-Индии.

– И у вас там осталась семья? В смысле, в Батон-Руж?

Эвви помотала головой.

– Больше уже нет. Сестра второй раз вышла замуж и переехала аж в Техас. А потом у меня умер муж. Мне там оставаться после этого не было особых причин. – Ее лицо на миг омрачилось, и Эвви отвернулась. – Вот так я здесь и оказалась со своими пчелами и бусинами. Коротая остаток жизни. Ну, а ты? Ты почему здесь? В чем настоящая причина? Вчера вечером ты сказала, что приехала забрать кое-какие личные вещи бабушки. Но я подозреваю, дело не только в этом.

Лиззи посмотрела на свой едва тронутый завтрак. Она надеялась как можно дольше держать свои планы при себе, пока не возьмется как следует за, так сказать, логику всего дела. Однако в сложившихся обстоятельствах Лиззи сочла это нечестным. Эвви заслуживала того, чтобы знать, какая судьба ожидает этот дом, чтобы успеть подготовиться к переменам и перестроить собственные планы.

– Я приехала, чтобы выставить ферму на продажу, – тихо произнесла Лиззи. – Я собираюсь продать имение.

– Так я и думала.

– Дело тут вовсе не в деньгах, Эвви. У меня просто совершенно нет причин за нее держаться. Я прекрасно знаю, о чем мечтала Альтея, – но что мне вообще делать с этой фермой?

– То же, что и она. Кое-что выращивать, кое-что из этого создавать. Помогать людям.

– Но у меня уже есть работа – ради которой я так долго и упорно трудилась, – и она у меня в Нью-Йорке.

Эвви сложила руки на столе, собрав губы трубочкой, словно тщательно обдумывая, что сказать дальше.

– Твоя бабушка мне о тебе рассказывала, – заговорила она наконец. – Какой ты была особенной. Она не могла тобою нахвалиться – причем хвасталась не только твоими дарованиями, но и тем, кто ты есть и кем ты стала. Что у тебя, дескать, была мечта – и что ты ее целеустремленно добивалась. За это она очень гордилась тобой – даже при том, что это предполагало твой отъезд и означало для нее одиночество. Она понимала, что тебе надо чего-то добиться, что-то постичь – но она никогда не теряла веру в то, что однажды ты обретишь то, что искала. И наконец вернешься сюда.

Лиззи поставила кружку на стол, полная решимости внести в ситуацию ясность.

– Да, я вернулась – но не в том смысле, что вы подразумеваете. Здесь мне делать нечего.

Эвви фыркнула – Лиззи уже поняла, что этот звук означает проявление скептицизма.

– То есть ты сюда приехала, просто чтобы воткнуть в землю табличку о продаже, а потом шнырнуть обратно в Нью-Йорк?

Лиззи не по душе пришлось слово «шнырнуть», однако она не могла поспорить с основным посылом вопроса.

– Ну, по большому счету да.

– У тебя там кто-то есть?

– В смысле – кто-то?

– *Кто-то*, – повторила Эвви. – Кто-то, готовый сварить тебе супчик, когда ты больна, или держать тебя за руку, когда на душе плохо. Кто-то, кто для тебя по-настоящему важен.

Лиззи хотела было солгать, но она уже успела уяснить для себя, что ничего не сможет утаить от Эвви.

---

³ *Kréyol la lwizyàn* – луизианский креольский язык. Широко употребляется в штате Луизиана; состоит из элементов французского и испанского языков, с вкраплениями африканских и индейских наречий.

– Нет, супчик мне там точно состряпать некому.

Однако она добровольно заключила с собою эту сделку. То, что никто ей не приготовит суп, означало также, что никто не станет задавать ей нежелательных вопросов о ее семье, не потребует от нее того, чего она не способна дать. Это означало никаких серьезных связей. Никакой «головной боли». Никаких обнажающих сердце признаний. Ей так и не довелось овладеть искусством распаивать душу перед другим человеком. Вместо этого она все больше постигала искусство одиночества – и, надо сказать, неплохо в этом преуспела. Одиночество означало для нее безопасность.

– Мне сейчас слишком некогда, чтобы строить какие-то отношения, – ровным голосом добавила она.

Эвви в ответ снова фыркнула.

Это вызвало у Лиззи раздражение.

– Я понимаю, что вы с Альтеей были подругами, – сказала она, отодвигая от себя тарелку. – Но некоторых вещей в отношении рода Лун вы все же не понимаете. Мы не такие, как другие люди. Нам чужда вся эта любовно-брачная дребедень.

– Так ли?

– Да, именно так. Я не жду от вас, что вы поймете...

Эвви поднялась, взяв со стола отставленную тарелку Лиззи.

– Я понимаю больше, чем ты думаешь. А также слышу то, чего ты не говоришь вслух: что все это вообще не мое дело.

– Вовсе нет! – торопливо возразила Лиззи. – Ничего такого я не подразумеваю. Я лишь хочу сказать, что есть вещи, которых вы не знаете. То, о чем мы обычно не распространяемся.

Эвви поджала губы, словно пряча на замок то, что собиралась произнести.

– И как долго ты планируешь тут побыть?

Лиззи сильно удивилась и вместе с тем вздохнула с облегчением, когда Эвви сменила тему разговора. Она и так уже сказала больше, чем следовало, насчет традиций Лун.

– Пока не знаю. Может быть, неделю. Я предполагала сегодня утром обойти ферму и получить хоть какое-то представление о том, что надо сделать, прежде чем я обращусь к риелторам.

Эвви насупилась, опуская в раковину пустую тарелку.

– Чуть не забыла. Чуть позже придет один человек, чтобы кое-что сделать в теплице твоей бабушки. Она в ужасном состоянии, но он клянется, что сможет привести ее в порядок.

– Какой вообще в этом смысл? Тратить деньги на починку того, что новые владельцы, возможно, попросту снесут.

– Может, и нет смысла. Но твоя бабушка взялась ее восстанавливать уже перед самой смертью. Она очень любила свою теплицу.

– Это я знаю, – угрюмо отозвалась Лиззи, решив пока оставить эту тему. – Спасибо за завтрак. Я скоро вернусь.

Выйдя из дома через заднюю дверь, она напрямик направилась к теплице, сочтя, что это будет лучшим местом для начала обхода. То, как Эвви обозначила ее состояние, было, по меньшей мере, щедро сказано. Несколько стекол растрескались, остальные отсутствовали напрочь. Столы внутри по большей части пустовали, заваленные ржавыми инструментами и горами пустых глиняных горшков. В одном углу теплицы стояли несколько треснувших мешков с горшечным почвенным субстратом, и их содержимое просыпалось на утрамбованный земляной пол.

Дальше Лиззи прошла к плантациям лаванды – вернее, к тому, что от них осталось. «Хидкот», «Гроссо», «Фолгейт», «Лаванс» – вспомнились ей названия сортов. Некогда все они произрастали здесь, будучи гордостью и радостью Альтей. Теперь же Лиззи обнаружила лишь отдельные зеленые пятна чахлых растений, которые после нескольких зим заброшенно-

сти и неприкаянности чересчур вытянулись и почти лишены были цветков. От увиденного у нее упало сердце. Ну почему Альтея не взяла трубку и не попросила ее о помощи?

Однако этот вопрос мгновенно перетек в другой: а приехала ли бы она тогда? Если бы Альтея и в самом деле взялась за телефон – Лиззи, что, бросила бы все и вернулась на ферму? Ей очень хотелось бы ответить на этот вопрос «да», но Лиззи не могла сказать это с уверенностью. В действительности она никогда даже не рассматривала подобный сценарий, предпочитая делать вид, будто Альтея будет жить вечно – потому как что-то иное казалось ей просто немыслимым.

Очень скоро она добралась до яблоневого сада. Там дела обстояли лишь немногим лучше. Хотя сами деревья вроде бы почти не пострадали, земля под ними была сплошь усеяна прошлогодней гниющей падалицей, привлекавшей полчища прожорливых ос. За последним рядом яблонь стоял небольшой деревянный сарай, крыша которого изрядно провисла и поросла мхом. В лучшие дни этот сарай использовали, чтобы хранить большие корзины и плодосборники для местных жителей, которые нисколько не гнушались каждую осень набрать для себя тут вволю яблок. Вплоть до тех пор, как погибли дочери Гилмэнов.

Как ни странно, но поначалу домыслы о некой роли Альтеи в их исчезновении шли даже на благо бизнесу фермы, привлекая всевозможных любопытствующих, жаждавших приобрести флакончик лавандового масла и заодно хоть мельком взглянуть на женщину, якобы подозреваемую в убийстве двух девочек-подростков. Почти три недели эти чудовищные предположения росли все больше, и деньги, можно сказать, текли рекой. Для тех, кто знал Альтею, для тех местных жителей, что за долгие годы привыкли доверять ее целебным снадобьям и оберегам, подобные сплетни казались нелепым бредом. Однако даже у них появились черные сомнения, когда из пруда на территории фермы вытащили распухшие тела Дарси и Хизер Гилмэн и убрали в плотные, черные мешки на молнии. Буквально на следующий день обильный поток покупателей иссяк до тоненькой струйки. Даже сейчас, восемь лет спустя, воспоминания об этом были у Лиззи по-прежнему свежи. Эта рана в ее душе так и не затянулась. Да и как она могла зажить, если вопросы о случившемся продолжали ее растравлять и мучить?

Лиззи свернула в сторону от сада и направилась в лес, по той тропе, которой Альтея, бывало, ходила каждый день. Бабушка взяла за правило каждое утро проводить среди деревьев. Она называла свои прогулки «временем молитвы», и это было совершенно понятно. Лес для нее являлся храмом – настолько священным, насколько не могло быть ни одно каменное сооружение. Но больше она уже не станет здесь ходить, не будет собирать грибы и травы, никогда не принесет с прогулки найденное по пути птичье перо, или брошенное гнездышко, или обломок рога.

Неожиданно между деревьями прошелестел легкий, теплый ветерок. Лиззи подняла голову, безошибочно уловив носом пряный аромат лаванды и бергамота. Всего лишь дуновение – едва заметный запах, какой порой исходит от шарфа или от свитера еще долго после того, как носивший его снял, – однако оно было настолько ощутимым, что создавало эффект реального присутствия. И на мгновение Лиззи показалось, что ее бабушка стоит сейчас позади нее, обхватив локтем плетеную ивовую корзинку.

Возможно, она всего лишь принимала желаемое за действительное. Так бывает, когда чувствуешь присутствие близких людей уже после того, как их не стало. Когда веришь, что они все еще находятся где-то рядом, как будто присматривая за теми, кто при жизни был им очень дорог. Лиззи, разумеется, не раз слышала о подобных вещах, но всегда списывала это на тоску по утрате. Теперь же она не была в этом так уверена. То, что она испытала мгновение назад – эту мимолетную, но в то же время пронзительно-глубокую уверенность, что она не одна, – было трудно проигнорировать, не принять всерьез. Впрочем, она и не хотела это игнорировать.

Усилием воли Лиззи заставила себя двигаться дальше, внезапно осознав, куда идет. Видимо, туда, куда всегда намеревалась сходить.

* * *

Едва заметив вдалеке пруд, Лиззи замедлила шаг. Когда она видела его в последний раз, по берегам его, в зарослях тростника и рогоза ползали полицейские в гидрокостюмах и водолазных масках. А до этого – до истории с дочками Гилмэнов и черными мешками для трупов – ее мать приходила сюда поплавать знойными летними днями, долго стоящими здесь, в Новой Англии. Однажды даже ее, Лиззи, позвала с собой за компанию.

Это был один из очень редких случаев – если вообще не единственный! – когда Ранна ее куда-либо с собой пригласила. И на пару-тройку недель, так быстро пролетевших, у Лиззи хватило наивности поверить, что между ними все может измениться, что в кои-то веки Ранна готова стать для нее настоящей матерью, а не перекладывать это на Альтею. Однако именно в то лето Ранна внезапно вообще перестала купаться, и на этом все, собственно, и закончилось. Несколько недель спустя она уехала.

Не то чтобы Лиззи была этим сильно удивлена. Такое всегда было в духе Ранны – жить какими-то странными, импульсивными скачками. Ее никогда и ничто глубоко не привязывало к «Ферме Лунных Дев». Обитание здесь было для нее просто путем наименьшего сопротивления: трехразовое питание, крыша над головой, свобода приходить и уходить, когда будет угодно. Она сторонилась нудной, рутинной работы на ферме, предпочитая пристроиться где-нибудь на углу улицы с гитарой, исполняя народные баллады, за что прохожие бросали что-то ей в потрепанный футляр, или гадать по картам на рынке в центре города, вдев в уши огромные кольца и накинув на плечи головной платок. Подобным мать зарабатывала для себя совсем немного, однако этого хватало ей на дешевую выпивку или то, что она тогда употребляла, и для Ранны этого вполне было достаточно.

Лиззи стряхнула ненужные воспоминания и приблизилась к берегу пруда. Земля проминаясь под ногами, точно губка, влажная трава скользила под подошвами ботинок. И на мгновение Лиззи представила, что безудержно соскальзывает в прибрежные заросли. Она уперлась каблуками в землю, потеряв малейшее желание подходить к самому краю, и, крепко обхватив себя руками поперек живота, посмотрела мимо метелок тростника в поблескивающую за ним темную воду.

Там никогда не было такой уж сильной глубины. Просто было достаточно глубоко.

При этой мысли Лиззи охватила дрожь, от воспоминания по спине пробежал холодок. Мокрые волосы, темные от ила, перепутавшиеся со склизкими водорослями. Раздувшиеся до неузнаваемости лица после нескольких недель в воде. Теперь это стало страшным наследием рода Лун – те погибшие девушки и тот жуткий день. И это будет оставаться их наследием до тех пор, покуда жив хоть один человек, который это помнит.

Не причини вреда. Таковым было их семейное кредо, к которому ее бабушка всегда относилась со всей серьезностью. Потому-то они и были все вегетарианцами – потому что принцип «не причини вреда» распространялся и на животных. Как вообще мог кто-то подумать, что Альтея способна причинить зло двум юным девушкам?!

Лиззи крепко зажмурила глаза, припомнив, как шоу «Хорошая жена» на канале *WKSX* внезапно прервалось срочным выпуском новостей, где сообщалось о бесследном исчезновении двух местных девушек и о том, что полиция предполагает двойное убийство. Тогда еще никто не мог и предположить, что произойдет дальше. Как будут разворачиваться события, втягивая в свой водоворот ни в чем не повинную женщину, лишая ее друзей, средств к существованию и, в конечном счете, ее семьи. Обвинительный приговор без суда и следствия.

Как бабушка со всем этим жила?!

А еще ужаснее – как она с этим умерла? Сознывая, что вокруг всегда будут находиться те, кто предпочитает верить слухам.

В «Книге воспоминаний» Альтея обмолвилась о своем опасении, что род Лунных Дев вскоре прервется. Неужто она не понимала, что он уже, можно сказать, прервался? Что спасти было уже нечего, и не было ни малейшей возможности как-то очистить ту историю, что сочинили о них в Сейлем-Крике.

«Ты – единственное, что у нас осталось. Последняя и лучшая среди нас».

Эти слова из бабушкиного письма пришли на ум, болезненно поддразнивая Лиззи. Возможно, она и последняя – но уж никак не лучшая. Иначе она бы не торопилась поскорее избавиться от «Фермы Лунных Дев». Она бы здесь осталась и восстановила бы справедливость. Она поборолась бы за честное имя своей бабушки.

Но неужели такое в принципе возможно?

Насколько она знала, полиция не смогла найти никаких существенных зацепок и, довольствуясь отсутствием реальных доказательств, отдала дело на суд общественного мнения. И здешняя публика – во всяком случае, большая ее часть, – с радостью это подхватила. То, что по делу сестер Гилмэн не было ни суда, ни обвинительного приговора, ни заключения под стражу, для людей не имело никакого значения. Они просто знали то, что слышали от других – и этого для них было достаточно.

Но если правда то, что здесь всегда будут находиться такие, кто помнит, как тела девушек вытаскивали из воды, – то так же правда и то, что где-то рядом найдется человек, который помнит день, когда они там оказались. И кто-то, возможно, знал нечто такое, о чем никто не подозревал. И, может быть, это уже достаточный довод, чтобы попытаться узнать правду.

Глава 5

Эндрю Грейсон перешагнул низкую каменную ограду, отделявшую его наследственные владения от фермы семьи Лун, решительно настроившись взяться наконец за починку теплицы, которую он обещал начать еще полгода назад. Он невероятно сожалел, что Альтея умерла раньше, чем он смог выполнить свое обещание, однако зима, казалось, длилась целую вечность, к тому же у него оказалось много заказов на реконструкцию особняков и масса клиентов, которых надо было удовлетворить. Эндрю рассчитывал, что у него в запасе порядочно времени – ведь Альтея всегда была эдаким упрямым старым воробьем, – однако кончина к ней подступила как-то очень быстро, и, с его точки зрения, для нее это явилось лишь благословением.

Тем не менее теперь, держа в руке ящик с инструментами, он решительно направлялся к теплице. Потому что обещание остается обещанием – особенно данное умирающему. К тому же Альтея для него была не просто пожилой соседкой – сколько он себя помнил, она всегда являлась частью его жизни. Когда по выходным он приезжал домой, то зачастую проводил время на соседской ферме, помогая отцу, который, расставшись со своей скобяной лавкой, с удовольствием брался за любые работы, будучи мастером на все руки. Когда же четыре года назад Эндрю вернулся из Чикаго насовсем и обнаружил, что здоровье отца сильно пошатнулось, ему показалось вполне естественным занять его место подручного мастера на «Ферме Лунных Дев».

Чего он только не залатал и не починил за минувшие годы! Он знал буквально каждый дюйм этой усадьбы – и каждый подтекающий там кран, и покосившуюся калитку, и замысловатый дымоход камина, не говоря уже о кряхтящей от старости печке и совершенно ветхой электрической проводке. За эти годы он делал все, что было в его силах, чтобы поддерживать соседское имение в порядке, однако две сотни влажных ньюгемпширских весен и снежных зим неотвратимо взяли свое, а это означало, что чем скорее, тем лучше было начать там долгий и полномасштабный ремонт. К сожалению, суммы на это ушли бы немалые, и, хотя Альтея никогда не говорила об этом напрямик, Эндрю подозревал, что денег у нее было не густо.

В конце концов имение Лун будет продано – возможно, по заниженной цене, как недвижимость, нуждающаяся в ремонте, – хотя как архитектор, специализирующийся на реконструкции объектов исторической недвижимости, Эндрю предложил бы все сровнять с землей и отстроить с нуля. И все же мысль об этом причиняла ему боль. Было в этом доме с фермой – в его истории, в его тайнах – нечто такое, что еще в мальчишеские годы глубоко проникло в его душу и больше уже не отпускало.

Скорее даже не нечто – а *некто*.

Эльзибет Лун.

Лиззи.

Она тоже долгие годы являлась частью его жизни, хотя для Эндрю это, увы, была улица с односторонним движением. Спустя уже почти что двадцать лет он по-прежнему видел ее перед глазами – выходящей из леса под дождем осенних желтых листьев, с развевающимися на ветру темными волосами. Точно пришилицу из другого мира – настолько чертовски прекрасную, что от ее красоты болезненно перехватывало горло. Вплоть до того момента у Эндрю было лишь смутное представление о ней – образ девчонки с торчащими локтями и коленками и тревожными серыми глазами, чистящей яблоки у бабушки на кухне. И, встретив в тот день ее в лесу, он в один миг с предельной ясностью осознал, что эта худощавая и угловатая девчонка неожиданно преобразилась в юную женщину с необычной и завораживающей красотой. При виде его Лиззи замерла тогда на месте, глядя на Эндрю, точно испуганный жеребенок. Когда их взгляды встретились, в ее глазах мелькнуло что-то быстрое и пронзительное. Что это было?

Радость узнавания? Или, напротив, вызов? Все эти годы он так и не смог найти ответ. Случайная их встреча была совсем мимолетной – всего лишь несколько мгновений, несколько ударов сердца, – и все же в те короткие секунды, без единого слова и без малейшего кивка, Лиззи полностью его околдовала. А потом вдруг стала вести себя при нем так, будто его не замечала. В школе, в городе, даже на собственной ферме она изо всех сил старалась его избегать. Да и можно ли винить ее в этом, если сам он вечно застывал при виде Лиззи, по-телячьи глядя на нее влюбленными глазами.

И лишь когда она уехала учиться, Эндрю все же последовал отцовскому совету: «перестать мечтать об этой девушке и жить в соответствии со своими возможностями». А потому он сложил вещи в машину и отправился поступать в университет. Там он немало преуспел, закончив учебу лучшим на курсе и получив работу в одной из самых престижных архитектурных фирм Чикаго. Однако Город Ветров довольно быстро утерял для него свой привлекательный блеск, и когда отец наконец признался, что у него рак, возвращение в Сейлем-Крик явилось для Эндрю само собой разумеющимся решением.

Когда Альтея заболела, он предполагал, что и Лиззи сделает то же самое – однако она так и не вернулась. В принципе, он это мог понять. Ей и так-то никогда не было уютно в Сейлем-Крике – а после истории с дочками Гилмэнов, когда в городе устроили сущую «охоту на ведьм», то и подавно. И хотя сам Эндрю был до мозга костей сыном Гранитного штата⁴, он не был слепцом, чтобы не видеть, сколько глупых и чопорных предрассудков процветает в маленьких городках Новой Англии и сколько вреда они порой могут нанести целой семье.

Последнее, что он слышал о Лиззи, – это что она живет в Нью-Йорке и занимается парфюмерией. Ну и хорошо, считал он, если она там счастлива. Видит бог, она это более чем заслужила после всей невообразимой дряни, что она вынесла тут в юные годы.

Так, погруженный в свои воспоминания, он рассеянно шел по лесу, однако, дойдя до развилки, где тропинка раздваивалась, ответвляясь вправо, Эндрю вдруг услышал шорох шагов. Он резко остановился, повернувшись на звук.

На мгновение у него появилась смутная догадка, что он попал в какой-то временной перегиб и годы внезапно отмотались назад, возвращая его к той памятной случайной встрече. Следующей его мыслью было то, что он просто потерял чувство реальности. Лишь когда она подняла к нему лицо, Эндрю понял, что это и впрямь происходит на самом деле, что Лиззи действительно стоит перед ним и глядит ему в глаза так, будто после той давней встречи не прошло и минуты. Когда их взгляды встретились, у него перехватило дыхание, как будто его внезапно ударили в солнечное сплетение.

Стоит ли удивляться, что люди верят рассказам о роде Лунных Дев!

---

⁴ Гранитным штатом шуточно называют в США Нью-Гемпшир, где много больших гранитных карьеров.

Глава 6

Дойдя до развилки, Лиззи замерла на месте. По звуку ей показалось, будто белка быстро шмыгает по подлеску. Лиззи внимательно посмотрела сквозь чащу деревьев – сначала налево, потом направо, – между тем как звук явственно приближался. А потом она увидела его – Энрю Грейсона – в джинсах и тяжелых рабочих сапогах, идущего в ее сторону с обшарпанным красным ящиком для инструментов в руке.

Когда глаза их встретились, у Лиззи перехватило дух. На нее накатило странное ощущение дежавю. Что он тут делает? Причем теперь? Снова?

Она пригляделась к ящику с инструментами в его руке. Эвви, кажется, говорила, что кто-то придет ремонтировать бабушкину теплицу. То, что этим человеком оказался Эндрю Грейсон, вроде бы не должно было ее так сильно удивить. Он частенько показывался у них на ферме, еще когда они были детьми. И потом, уже в школьную пору, он неизменно появлялся рядом в самые незадачливые для нее моменты – как какой-нибудь киношный качок в сияющих доспехах, вечно ее от чего-то спасающий, хочет она того или нет.

Как-то раз он подловил ее на собрании выпускников. Она тихонько и незаметно сидела там, как обычно, в стороне, и Эндрю опустился на свободное сиденье рядом с ней, широко улыбаясь и протягивая ей вскрытую пачку жевательного мармелада «*Twizzlers*». Тут же все, кто только был в зале, уставились на них. Так по крайней мере ей тогда показалось. От излишнего внимания Лиззи захотелось забраться под стул. Но вместо этого – к восторженному улюлюканию его приятелей, таких же качков, сидевших двумя рядами дальше, – она просто встала и ушла. К сожалению, Эндрю это несколько не остановило. Он продолжал то и дело появляться на ее горизонте. Нередко он приходил за компанию с отцом, когда тому надо было починить у Альтей кран или обветшавшую часть ограды. А однажды, когда словно разверзлись небеса и на Сейлем-Крик посыпался град размером с горох, Эндрю возник из ниоткуда, предложив подвезти Лиззи до дома. А потом в тот вечер у фонтана, когда Ранна устроила пьяное представление на глазах у всего города, – он снова появился рядом и спас Лиззи от потешающихся зевак.

То, как он себя с ней вел, до сих пор озадачивало Лиззи. Эндрю был одним из наиболее приметных парней в школе – учился всегда отлично, был капитаном футбольной команды и вообще считался самым крутым парнем во всей округе. Лиззи даже представить себе не могла, чтобы он хотел что-то иметь с кем-то вроде нее. Может, с его стороны это была просто жалость? Или любопытство? Семейство Лун у всех вечно вызывало любопытство.

И вот теперь он снова оказался здесь.

Эндрю показался ей выше, чем она его запомнила, и как-то неуловимо серьезнее, даже жестче, однако по-прежнему он был невероятно красив – с коротко подстриженными рыжевато-каштановыми волосами и худощавым загорелым лицом. Когда Альтей последний раз о нем упоминала, Эндрю жил в Чикаго, проектируя роскошные виллы для богатеев из высоких деловых кругов. Но это было еще до того, как умер его отец. И что – он остался здесь жить? Или просто ненадолго вернулся, как и она, чтобы уладить оставшиеся дела?

– Привет, – с уверенностью произнес он. – Ты, должно быть, меня помнишь? Я...

– Энрю. Наш сосед.

Он кивнул и перехватил ящик из правой руки в левую.

– Я не знал, что ты вернулась. Очень сожалею насчет твоей бабушки. Я знаю, как вы когда-то были с ней близки.

Лиззи сразу ошетинилась от предположения, что это осталось где-то в прошлом.

– Мы до сих пор были с ней близки.

– Верно. Извини, я не хотел...

– Она мне писала, что твой отец умер. Мне очень жаль. Я помню, он был замечательный человек. Чудесно относился к Альтее.

– Да, это так. Спасибо. Я, кстати, шел кое-что починить у вас в теплице.

– Эвви предупредила, что ты придешь. То есть не именно ты – а что кто-то придет.

На этом «светская» беседа иссякла, и между ними повисло неловкое молчание. Эндрю вновь перехватил ящик другой рукой и сделал шаг вперед, словно собирался сопроводить Лиззи до дома. Она же отвернулась и заторопилась дальше по тропе. Ей требовалось принять решение, и чье-то общество при этом было совсем не желательно. А уж тем более – Эндрю Грейсона.

Вернувшись домой, Лиззи застала Эвви в кухне: та сидела за столом перед несколькими плоскими с яркими разноцветными бусинами. Она нанизывала бусы, вдевая тонкий кожаный шнурок в мраморно-синие шарики. Через мгновение Эвви подняла голову:

– Как прогулялась?

– Вы сказали, что придут чинить теплицу, но даже не заикнулись, что это будет Эндрю Грейсон.

– Я как-то не думала, что это имеет значение, – пожала плечами Эвви. Она критически поглядела на бусины, что только что нанизала, добавила еще несколько, после чего вновь вскинула голову: – А что, тебе это не все равно?

– Я просто очень удивилась, когда его встретила. Не знала, что он вернулся.

– Да уж почти как три года. Приехал, когда у него слег отец, да так тут и остался. По правде говоря, мне кажется, он только и искал для этого веский повод.

– Веский повод?

– Он чувствовал, где его настоящее место. Чикаго оказался не для него. А Сейлем-Крик его устраивает. Все очень просто. Так как прогулка?

Лиззи, на миг оторопев, уставилась на нее. У Эвви была неприятная манера так резко менять тему разговора, что собеседник терял способность внимательно следить за основной его нитью.

– Дошла до пруда, – тихо ответила она. – И когда посмотрела на это место снова, спустя столько лет, то кое о чем задумалась. Все эти чудовищные домыслы, что высказывали тогда люди, все, чему они так легко поверили... Я вот все думаю: может, от всего этого Альтее и заболела? Может быть, она просто... сдалась?

Эвви положила на стол шнурок с бусинами и устремила на нее прямой взгляд поверх очков:

– Твоя бабушка никогда в жизни ни в чем не сдавалась.

– Но ведь вас тут не было тогда, Эвви. Вы даже представить себе не можете, каково это было! Как местные стали смотреть на нее после того, как тех двух девушек вытащили из нашего пруда. И самое скверное – что их мнение невозможно было изменить. Люди поверили в это тогда – верят и сейчас.

– Может, и так. Но теперь уже с этим ничего не поделать. Когда люди вобьют что-то себе в голову, то мало шансов их мнение изменить. Тем более не имея доказательств.

– А если бы *нашли* доказательства?

Эвви подняла голову:

– К чему ты клонишь, милая девочка?

Лиззи взяла из плоской бусину, дала ей чуть покатаваться по расправленной ладони, задумчиво поглядела на этот темно-синий шарик с крохотными золотинками колчедана – точно маленький земной шар, покоящийся на ее ладони. «*Lapis lazuli*, лазурит, – вспомнилось ей тут же, – для выявления сокрытых истин».

Она опустила бусину обратно в мисочку и встретила глазами с Эвви.

– Вчера вечером вы спросили, зачем я приехала, и я ответила, что вернулась, чтобы разобраться с кое-какими личными вещами Альтей. Но правда в том, что я вообще не собиралась сюда ехать. А потом в той пустой книге для записей, что вы мне прислали, я обнаружила вложенную записку от Альтей. Она написала, что я лучшая из рода Лун и что здесь осталось нечто такое, что необходимо исправить. Может, потому я теперь здесь? Чтобы все исправить?

– Нечто, что нужно исправить... – задумчиво повторила Эвви. – И что это может быть?

Лиззи решила предоставить Эвви самую сложную часть уравнения.

– Точно не знаю. Но все же должно быть что-то, что я могу сделать. Найти какой-то способ выяснить, что произошло тогда на самом деле, и наконец вернуть Альтее ее честное имя.

Эвви сняла очки. Между бровями у нее пролегла тонкая складка.

– Ты так думаешь?

– Не знаю. Но попытаться все же стоит. Восемь лет – не такой уж долгий срок. Кто-то в городке что-нибудь да знает – может, знает нечто такое, чего и сам не сознает. Если людей поспрашивать – глядишь, это и всколыхнет что-то у кого-нибудь в памяти.

– Это много чего может всколыхнуть, – скептически заметила Эвви.

Лиззи пристально посмотрела на нее:

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что у каждого меча есть две стороны. Ты нацелилась разворошить воспоминания о тех погибших девушках, чтобы все еще раз всё это пережили. Люди могут воспринять это недоброжелательно.

– Может, и так. Но я не могу осторожничать и обходить стороной правду только потому, что это кому-то будет неудобно. Когда-то я уже так поступила. Я спрятала голову в песок и позволила всему городу затравливать мою бабушку. Больше я так не поступлю.

Эвви тихонько фыркнула.

– Твоя бабушка говорила, что ты запальчивая и с характером. Вижу, это сущая правда.

– По-вашему, я ошибаюсь?

– Нет, я так не думаю. Наоборот, я считаю, что ты чертовски права. Но то, о чем ты сейчас говоришь – о перетряхивании того, что давным-давно улеглось, о задавании кучи новых вопросов, – все это поднимет много мути, а шансы найти истину крайне малы.

– Я знаю. Но когда я буду отсюда уезжать, то, по крайней мере, смогу сказать, что попыталась.

Эвви вновь нацепила очки на кончик носа и взяла в руки не до конца нанизанные бусы.

– Есть какие-нибудь соображения, с чего начать?

Лиззи протяжно выдохнула, первый раз всерьез задумавшись над этим вопросом.

– На самом деле я пока что не особо в это вдавалась. Но думаю, что в любом случае лучше всего начать с местного отделения полиции. Мне надо получить какое-то представление о том, на чем остановились их поиски, а также понять, насколько здешний шеф полиции Саммерс готов возобновить расследование.

– Тот еще тип, – пробурчала Эвви.

– Я знаю. Большая удача, если на этом фронте будет хоть какая помощь. Но попытаться надо. Завтра же туда поеду – пока решимость не иссякла.

– Твоя бабушка тобой бы гордилась.

У Лиззи стало тесно в горле. Как бы ей хотелось в это верить!

– Правда?

Эвви через стол протянула к ней руку и пожала пальцы:

– Даже не сомневайся!

* * *

Лиззи было о чем поразмыслить, когда она выходила через сумрачные сени с секатором в кармане и с корзинкой на локте. Эвви была права. Когда местные узнают, что она вернулась и решительно намерена перевернуть все, что связано с теми убийствами, и впрямь поднимется очень много муты.

Сейлем-Крик всегда гордился своей светлой репутацией, удостоившись даже того, что в журнале «*Yankee*» его называли «кусочком истинной Америки». А «*New England Journal*» регулярно включал его в рейтинг «Лучших городков Новой Англии». Однако с гибелью двух юных сестер этой репутации, естественно, пришел конец. Так что едва ли местные жители будут слишком рады, когда им напомнят, как неожиданно и быстро их любимый Сейлем-Крик упал с небес на землю и что вина в этом падении якобы лежит на ее бабушке. Но теперь, когда у Лиззи прочно засела в голове идея восстановить доброе имя Альтей, отступить она уже не могла. Здесь действительно осталось кое-что, что требовалось исправить, – и, кроме нее, взяться за это было некому.

Миновав двор, Лиззи заметила Эндрю, который стоял на одном колене перед теплицей, что-то ища среди инструментов в своем ящике. Услышав ее шаги, он поднял голову, и на миг глаза их встретились. Лиззи тут же отвернулась и пошла быстрее, направляясь к той части сада, где Альтей некогда разводила полевые цветы. Там, среди гущи сорняков, она заметила несколько ярких распустившихся бутонов и подумала, что было бы неплохо несколько цветков поставить дома.

Добыча оказалась невелика – ее не хватило бы на букет или цветочную композицию, но вполне можно было расставить по баночкам на кухонном подоконнике. Пробираясь сквозь сплетение сорняков, Лиззи стала собирать веронику и дикую герань, шалфей и мускусную мальву, складывая цветы себе в корзину. Она была бы не прочь добавить к ним еще несколько васильков – их густая синева прекрасно бы контрастировала с насыщенно-розовым цветом фуксии, – однако васильков не встретилось ни одного.

Ей очень грустно было видеть именно этот сад таким запущенным. Альтей всегда питала к полевым цветам особую любовь, похожую на некое глубинное родство. Возможно, потому, что они так много давали и требовали взамен так мало. Для тех, кто шел их родовой стезей – которых непосвященные зачастую называли язычниками, – все в мире было наполнено разумом и полностью сознавало свою роль в священном Круге рождения, роста, жизни и смерти. Альтей находила в этом утешение: в приливах и отливах, в смене сезонов, что составляли их год. Ее поддерживала вера в то, что ничто не растрачивается впустую и не бывает бесцельным, что всему отпущен свой срок и есть свое предназначение, – и когда это время истекает и предназначение исполнено, их внутренняя сущность все равно продолжает жить, принимая некий новый смысл и новую цель.

Вот почему в роде Лун предпочитали, чтобы после кончины их пепел был развеян по собственной земле – чтобы частица их навсегда осталась жить в родной почве. Лиззи никогда особо не задумывалась над этим обычаем, однако ее утешало осознание того, что прах Альтей навеки стал неотъемлемой частью той земли, что у нее под ногами. И все же эта женщина заслуживала намного большего, нежели этот наводящий тоску клочок земли, густо заросший сорняками.

Лиззи окинула взглядом клумбы. Не так уж много это и потребует – всего лишь парутройку часов да кое-какие инструменты. Может, это было и бессмысленно – так же, как починка теплицы, которой занимался сейчас Эндрю, – но почему-то ей казалось это чем-то очень правильным. В эту работу Лиззи собиралась сейчас вложить всю любовь и всю призна-

тельность к той женщине, которая ее вырастила и выпестовала, в то время как собственной матери не было до нее дела.

И прежде чем она успела себя отговорить, Лиззи решительно направилась через заросшее лавандовое поле к сушильному амбару, где Альтея всегда хранила тяпки, грабли и лопаты. Вытянув из скоб увесистый засов, она подергала на себя дверь. Наконец с тяжелым ржавым стоном створка подалась. Лиззи шагнула внутрь, вдохнув отголоски ароматов тысяч некогда срезанных растений. Никаких цветов здесь уже не было и в помине – сушильные стеллажи и решетки давно пустовали, – однако отголоски их запахов все же остались, бесплотными сущностями витая в прохладном сухом воздухе.

Несколько секунд понадобилось, чтобы глаза адаптировались к темноте, но наконец Лиззи смогла различить кое-какие очертания во мраке. Садовый инвентарь, за которым она сюда явилась, висел сразу за дверью, однако Лиззи прошла мимо него, направившись к длинному деревянному верстаку у задней стены амбара, превращенному ею в рабочий стол, где она делала когда-то свои первые духи.

Это была самая настоящая любительская лаборатория – с запылившейся коллекцией позаимствованных где-то емкостей и самодельного оборудования, – однако, увидев все это вновь, Лиззи испытала внезапно острый приступ ностальгии. Сказать по правде, она скучала по тем далеким дням, полным проб и ошибок, по тому восхитительному предвосхищению открытия чего-то нового и совершенно неожиданного. В фирме у Шенье никаких приятных сюрпризов она не встречала. В последнее время она вообще редко когда заглядывала в лабораторию, большую часть дня проводя на летучках и деловых встречах, общаясь чаще с людьми, которые не в состоянии были отличить цветочный аромат от восточного.

Взяв себя в руки, Лиззи откинула эти ностальгические переживания прочь. Ей невероятно повезло на самом деле, что сразу после обучения она обратила на себя внимание Жаклин Шенье и получила работу, для которой многие считали Лиззи слишком молодой и неопытной. Она должна была бы благодарить судьбу – и *действительно* была ей благодарна. Целиком и полностью. И все же... она солгала бы, если б сказала, что, оказавшись в этом старом сушильном амбаре, не испытывает саднящей ностальгической тоски.

«Инструменты», – твердо напомнила себе Лиззи, отступив от стола. Она пришла сюда за огородным инвентарем, а вовсе не затем, чтобы бродить аллеями воспоминаний.

Она подхватила небольшие вилы и потянулась было за мотыгой, когда в дверях возникла чья-то тень. Лиззи резко развернулась, с удивлением обнаружив в проеме силуэт Эндрю.

– Тебе бы не стоило здесь находиться, – произнес он.

Лиззи уставилась на него, чувствуя, как участился пульс.

– Ты сегодня уже второй раз ко мне подкрадываешься!

– Я вообще к тебе не подкрадывался – ни сейчас, ни тогда. И я был бы весьма признателен, если бы ты эту штуку опустила. А то ты заставляешь меня нервничать.

Лиззи взглянула на вилы в своих руках, со смущением обнаружив, что непроизвольно целится ими прямо в Эндрю, словно собирается проткнуть его насквозь. Она медленно опустила инструмент, досадуя на себя, что оказалась такой пугливой.

– Тебе тут что-то нужно?

– Да. Мне нужно, чтобы ты отсюда вышла. Пожалуйста. Здесь небезопасно.

Лиззи демонстративно окинула взглядом амбар, не найдя там ничего, даже отдаленно пугающего.

– В каком смысле – небезопасно? С виду здесь все в порядке.

– Ну, для начала – дверь вот-вот сорвется с петель. Тебе вообще повезло, что она не прищепнула тебя, когда ты ее открывала. А вон там... – Он сделал паузу, указывая рукой в конек крыши, где сквозь щель в досках явственно пробивался солнечный свет. – В апреле здесь был сильный ураган, который сорвал часть крыши и повредил несколько стропил. К тому

же и чердак, и лестница вот-вот развалятся. Но это уже не по причине урагана – а из-за старой доброй сухой гнили. Амбары Новой Англии, конечно, строились надолго – но отнюдь не навсегда. А еще у нас тут прошлым летом обитала стая летучих мышей, а они, как правило, возвращаются на прежнее место.

Лиззи искоса взглянула на него, подвинувшись все же поближе к двери. От Эндрю пахло амброй и сандаловым деревом, студеными осенними днями с легким оттенком дымка. Это сочетание застало ее врасплох: от него исходил не резкий, вызывающий запах, а тонкий мужской аромат, подталкивающий к воспоминаниям, о которых она предпочла бы забыть. От него всегда так пахло. Всегда и неизменно.

Пробираясь мимо Эндрю к выходу, Лиззи чуть откинула голову назад и заметила на его волосах пятно шпаклевки.

– Летучие мыши меня не пугают. Напротив – я нахожу их довольно милыми созданиями. А вот ветхая крыша – для меня аргумент.

Эндрю следом за ней вышел наружу, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Это тоже у меня в списке.

– В каком списке?

– В перечне дел, которые я обещал исполнить твоей бабушке. Я хотел все это сделать, пока... – Он отвернулся, внезапно ссутулившись. – Но не успел...

Лиззи проглотила неожиданно набухший в гортань комочек.

– Я тоже.

– Она была настоящим человеком – твоя бабушка... Когда отцу диагностировали рак, я только-только начал как следует работать. Я был еще новичком в фирме и как раз получил в работу один очень крупный проект. А потому отец держал этот диагноз при себе. Ни словом не обмолвился, что он серьезно болен, до самого конца. Но твоя бабушка об этом узнала – или просто догадалась. Она стала готовить для него еду, прибираться в доме, возить его в клинику на процедуры, заваривать ему специальный чай, успокаивающий приступы рвоты. Ведь вот же упертый старикан! Я ничегошеньки не знал, пока уже врачи не отменили химиотерапию. Но Альтея всегда была рядом с ним. И я перед ней в большом долгу.

Лиззи выдавила зыбкую улыбку, испытывая одновременно гордость и печаль.

– Мне Альтея тоже ничего не сообщала о своей болезни. И я так ничего и не знала, пока она не ушла.

– А я все гадал, почему ты не приехала ее навестить. Извини. Я знаю, как это тяжело. Я был ужасно зол оттого, что отец ничего мне сразу не сказал, – но он честно считал, что будет правильнее держать меня в неведении. Твоя бабушка, видимо, считала точно так же.

Желая поскорее сменить тему беседы, Лиззи сделала вид, будто разглядывает дверь амбара.

– Очень любезно с твоей стороны, что ты так хочешь помочь, однако у новых хозяев фермы, возможно, будут свои соображения по поводу того, что надо ремонтировать, а что нет.

Эндрю остолбенел.

– Ты продала ферму?

– Пока еще нет, но рано или поздно продам.

Плечи у него как будто чуть расслабились, но напряжение еще не отпустило.

– Ясно. Кстати, об этом. Есть кое-какие моменты, о которых тебе не помешает знать.

– Например?

– Здесь нужно прилично потрудиться, прежде чем банк всерьез подумает о финансировании. И я говорю сейчас не о покраске дома или о тюльпанах в оконных ящиках. Электропроводка в доме держится на честном слове, да и водопровод с канализацией не лучше. Печь уже на ладан дышит, и каждая крыша в вашем имении нуждается в замене.

Лиззи уставилась на носки ботинок, мысленно фиксируя для себя эти неприятные новости. Еще одно осложнение, которого она не планировала. И которого не могла себе позволить.

– Я даже не представляла, насколько здесь все плохо. И подозреваю, все, что ты сейчас перечислил, стоит не дешево. А я вовсе не купаюсь в деньгах.

Эндрю криво усмехнулся, взглянув на нее.

– Боюсь, что нет. Но я знаю одного парня. Друг семьи. Живет тут по соседству. Готов работать за еду и за хорошее отношение.

Лиззи расправила плечи.

– Спасибо, но я не могу это принять. Заменить несколько стекол в теплице – это одно. Но я не могу допустить, чтобы ты менял в доме проводку и переделывал водопровод с канализацией.

– Реставрация исторической недвижимости – это мой профиль. Так почему бы не помочь?...

Но Лиззи вскинула ладонь, обрывая его:

– Нет. Спасибо. Я что-нибудь придумаю. Может, я смогу найти покупателя, готового принять имение в таком виде. – Она вскинула подбородок, решительно посмотрев ему в глаза. – Не хочу показаться грубой и бестактной, но зачем тебе здесь тратить свое время? Мы ведь едва друг с другом знакомы.

Эндрю слегка пожал плечом, изобразив полуулыбку:

– Потому что я обещал это сделать твоей бабушке. А обещание есть обещание. Я перед ней в долгу.

– Ты не можешь быть ей что-то должен. Ее больше нет.

– Тогда, вероятно, я должен тебе.

На это Лиззи не нашла что сказать. В этот момент она не могла не вспомнить свой разговор с Люком пару дней назад и его самодовольное утверждение, будто, унаследовав «*Chenier Frangrances, Ltd*», он получил в наследство также и ее – как будто Лиззи была какой-нибудь блестящей безделушкой в шкатулке с драгоценностями его матери. И вот перед ней стоял Эндрю, утверждающий, что обещание, которое он дал умирающей Альтее, теперь обязан исполнить перед ней. Столь очевидный контраст трудно было оставить без внимания.

– Обещания по наследству не передаются, – тихо произнесла Лиззи. – Это так не работает.

Но он лишь пожал плечами, снова улыбнувшись:

– Мое обещание, мои правила. Я, пожалуй, перед уходом заколочу тут дверь. Просто ради безопасности. На следующей неделе мне доставят пиломатериалы. Как только закончу с теплицей – возьмусь за кровлю и чердак.

– Я же только что сказала: у меня нет денег, чтобы платить тебе за работу. И я не могу просить тебя работать бесплатно.

– Твоя бабушка была особенной, необыкновенной женщиной, Лиззи. Она была величайшей души человеком и поэтому всегда заботилась о людях. Не все, к сожалению, это понимали, а в конце ее жизни даже те, кто хорошо ее знал, об этом как-то позабыли. Но я не из тех забывчивых людей. Я чиню теплицу и амбар по той же самой причине, по которой ты сейчас несешь вилы к этим несчастным остаткам некогда цветущего сада. Я не в силах вернуть Альтее или как-то изменить то, что уже случилось, – но я могу позаботиться о том, что она так любила при жизни.

Лиззи едва справилась с желанием отвернуться, спрятать взгляд, потрясенная столь внезапным накалом в его голосе. Или, может быть, именно его доброта и сердечность заставляли ее принять такую оборонительную позицию? Он был рядом с Альтеей у самого смертного одра – там, где должна была бы быть сама Лиззи. И он вправе иметь свое мнение на этот счет.

– Не то чтобы мне было это безразлично, Эндрю. Мне на самом деле совсем не все равно. Но я не могу здесь остаться. Я догадываюсь, что ты об этом думаешь. И знаю, что Эвви думает по этому поводу. Но у меня есть работа – и она в Нью-Йорке. – Она покачала головой, негодуя на себя за то, что чувствует потребность защищаться и оправдываться. – Альтея жила и дышала «Фермой Лунных Дев». А я – нет. Вот почему я ее и продаю. Потому что она должна принадлежать тому, кто будет ее любить так же, как любила она.

Эндрю почесал костяшками пальцев по щетине на подбородке, как будто тщательно взвешивал то, что собирался сказать.

– А Ранна? Ей ферма тоже не нужна?

Услышав имя матери, Лиззи сразу напряглась.

– Мы уже много лет ничего о ней не слышали. Думаю, смело можно сказать, что ей это не интересно.

– Прости, я не знал. Альтея редко о ней упоминала.

– Последнее, что нам о ней было известно, – это что она где-то в Калифорнии и пением зарабатывает себе на ужин.

«И бог знает на что еще», – добавила про себя Лиззи, однако озвучивать не стала. К тому же в этом не было и надобности: все в городе знали про Ранну. Про пьянки и наркотики. Про карусель свиданий на одну ночь. Про частые приводы в полицию. И Эндрю знал это лучше, чем кто-либо другой, поскольку по-соседски наблюдал все это собственными глазами.

Лиззи крепче сжала рукой черенок вил, стараясь избавиться от воспоминаний. Но они все равно подступали.

Жаркий летний вечер. Толпа перед «Молочным баром». Семейства с детьми. Ребята из их старшей школы, ищущие, где бы затусить в ночь на субботу. Вдруг в конце очереди – суматоха. Народ встрепенулся, засуетился и, точно косяк мелкой рыбешки, поплыл через парковку, потом за угол.

Лиззи последовала за ними – поскольку именно это обычно делаешь, когда вся толпа куда-то устремляется. Когда она тоже свернула за угол, то увидела перед зданием мэрии полицейскую машину с головокружительно мелькающими синими огнями. Послышался взрыв смеха, приглушенный свист. Когда толпа раздвинулась, по коже пробежал холодок ужаса. Она увидела Ранну, которая, раздевшись до трусов, стояла по колено в чаше фонтана, во всю силу легких распевая «Я и Бобби МакГи»⁵.

Один из полицейских скинул обувь и тоже шагнул в воду, принявшись кругами гоняться за Ранной вокруг фонтана. Минут через пятнадцать, запыхавшийся и красный, он выловил наконец ее из чаши. Под кайфом до одури и продолжающую орать песню, Ранну завернули в плед и усадили в патрульную машину. Увидев, как черно-белый полицейский автомобиль уехал, Лиззи испытала огромное облегчение. Представление, казалось бы, закончилось.

Однако не тут-то было!

Там оказался парень из ее школы – футболист по имени то ли Бред, то ли Бретт, – который заметил Лиззи в толпе. Он тут же встрепенулся, вытянув в ее сторону руку:

– Эй, народ! А вон и ее дочка! Может, она тоже что-нибудь изобразит? Что ты нам споешь, красотка?

Снова раздался хохот. Все на нее стали показывать пальцем. В тот миг ей хотелось немедленно испариться на тротуаре. Или убежать. Или умереть. Однако ноги у нее просто отказывались двигаться. И в тот момент – откуда ни возьмись – появилась чья-то уверенная рука, которая взяла ее под локоть и провела сквозь толпу, обратно по улице, за угол.

---

⁵ «Me and Bobby McGee» (1969) – весьма популярная в Америке песня в стиле кантри, созданная Крисом Кристоферсоном и Фредом Фостером. Стала знаменитой в исполнении Дженис Джоплин.

Там она наконец выдернула руку из крепкой хватки и устояла на своего спасителя – соседского парня, чей отец делал у ее бабушки разную работу по строительству и ремонту. Того самого красавчика с широкой улыбкой и вскрытой упаковкой «*Twizzlers*».

Понятно, что он хотел проявить к ней великодушие, избавить Лиззи от дальнейшего унижения – однако его лицо, слегка подсвеченное сверху фонарем, было исполнено жалости, и за это она почувствовала к нему ненависть. О чем сразу же и заявила ему. И ушла, оставив его в недоумении стоять на тротуаре.

В тот вечер ее унизили дважды. Первый раз – толпа улюлюкающих зевак, а второй раз – тот, кто попытался проявить к ней доброту. Как ни странно, но именно второй случай ранил ее больше, и именно поэтому с того дня Лиззи стала с удвоенной силой стараться его избегать. Воспитание в роде Лун готовило к тому, что на нее будут указывать пальцем и пускать о ней сомнительные слухи. А вот к доброте и великодушию она была готова гораздо меньше.

И вот теперь этот человек стоял перед ней со своей добротой и сердечностью и смотрел на нее точно так же, как и в тот вечер под фонарем, пробуждая в ней те чувства и эмоции, которые ей вовсе не хотелось испытывать.

– Мне надо идти, – сказала Лиззи, кладя на плечо вилы. – У меня еще много дел.

Пусть думает что хочет! Если она чему-то за свои годы и научилась – так это тому, чтобы не заботиться о том, кто и что о ней думает. И все же, развернувшись и пойдя своей дорогой, Лиззи не могла заставить себя не раздумывать, как Эндрю отнесся бы к тому, что она собирается навестить местное отделение полиции.

Глава 7

19 июля

Лиззи не торопясь ехала через центральный район Сейлем-Крика, прикидывая, как ей лучше подступиться к шефу полиции Саммерсу. За те годы, что ее здесь не было, в городе мало что изменилось – что, впрочем, было неудивительно. Небольшие городки Новой Англии медленно поддавались прогрессу. Здесь не строилось гипермаркетов или торгово-развлекательных центров. И именно это так нравилось местным жителям. Тихие сонные улочки с маленькими магазинчиками, представляющими чей-то скромный семейный бизнес, ящики с цветущей геранью под окнами, меловые доски с выведенными от руки ежедневными специальными предложениями, миски с водой на тротуарах для мучимых жаждой песиков. В этом и состояло самое прелестное очарование Новой Англии, пусть даже иногда и проявляющей признаки ветхости.

Однако нельзя было сказать, что прогресс совсем уж не коснулся городка. На углу Эльм-стрит появилось новое фермерское кафе, а там, где прежде была химчистка – книжный магазин. У библиотеки появилась современная пристройка, а вместо прежней парикмахерской теперь красовался тату-салон под незатейливым названием «Татушки».

Лиззи свернула на Третью улицу, вдоль которой тянулись приземистые красные кирпичные дома, где располагались службы общественной безопасности Сейлем-Крика. Как она и ожидала, парковка перед отделением полиции оказалась почти пустой. Если не считать того давнего, так и не раскрытого двойного убийства, уровень преступности в Сейлем-Крике был крайне низким.

Когда Лиззи вошла через двери из тонированного стекла в отделение, дежурный сержант вскинул голову:

– Чем могу помочь?

– Я хотела бы поговорить с шефом полиции Саммерсом.

Лиззи взглянула на именной знак полицейского: «Сержант Оберлин». Парень был невероятно худым и почти утопал в своей новенькой черной униформе. Щеки сплошь рябели рубцами от недавних подростковых прыщей. Он провел языком по зубам, разглядывая посетительницу с таким забавным проявлением собственной значимости.

– Это как-то относится к ведению полиции, мэм?

– Это отделение полиции, если не ошибаюсь?

Сержант слегка покраснел.

– Да, мэм.

– Хорошо. Да – это находится в ведении полиции. Точнее, это связано с убийством. И даже на самом деле с двумя убийствами.

Оберлин выпучил глаза.

– С убийствами?!

Лиззи вежливо улыбнулась, довольная тем, что всецело завладела его вниманием.

– Это касается давнего дела – убийства сестер Гилмэн.

– Можете произнести еще раз, по буквам?...

Лиззи едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Но не успела она что-либо ответить, как за стойкой появился крепкий мускулистый капитан полиции с волосами цвета стальной стружки.

– Я уже понял, Тодд. Простите, мисс...

– Лун, – представилась Лиззи. – Эльзибет Лун.

– Да, разумеется. Мисс Лун. Я правильно расслышал, что вы интересовались убийством сестер Гилмэн?

– Да, вы верно расслышали. Я пришла поговорить с шефом Саммерсом о расследовании того дела.

– О... расследовании?

Полнейшее недоумение на лице у капитана подтвердило подозрения Лиззи. Что *не было* никакого расследования.

– А шеф полиции на месте?

Сержант кашлянул, прочищая горло, и выдавил натянутую улыбку:

– Боюсь, шеф сейчас очень занят, но если вы поделитесь со мной, в чем суть вашего вопроса, то буду рад ему это передать.

– В этом нет необходимости, – ответила Лиззи, направившись к ряду пластмассовых стульев вдоль стены и опустившись на один из них. – Я подожду.

Это явно был совсем не тот ответ, которого от нее ожидали.

– Но, мисс...

– Лун, – холодно продолжила Лиззи. – Я внучка Альтеи Лун, и я была бы вам крайне признательна, если бы вы сообщили шефу, что я сижу здесь и желаю встретиться с ним как можно скорее.

Капитан, по-видимому, смирился с поражением. Он скрылся за той самой дверью, откуда и появился, и Лиззи начала гадать, как долго будет он отсутствовать, прежде чем принесет новую отговорку. Однако вместо него в приемной оказался сам Рэндел Саммерс.

Увидев его, Лиззи невольно напряглась. Саммерс был высоким и плечистым, но уже не обладал той хорошо сложенной фигурой, что была у него до ее отъезда. Туловище у него стало толще, и темно-синий пиджак чересчур плотно облегал широкую грудь, слаксы цвета хаки надеты были низко, придерживая заметно растущее брюшко. А волосы у него были какого-то неестественного светлого оттенка, несомненно, полученного благодаря специальной коробочке из аптекарской лавки. Он напомнил Лиззи стареющего ведущего телевизионного шоу.

– Мисс Лун, – произнес он и, пожимая Лиззи руку, одарил девушку желтоватой табачной улыбкой. – Никто мне даже не обмолвился, что вы вернулись.

Лиззи серьезно посмотрела на него снизу вверх:

– А что, кто-то должен был вас оповестить?

– Да нет, я просто хотел сказать... Когда ваша бабушка была при смерти, все мы, вроде как, ожидали, что вы здесь появитесь. А поскольку вы так и не приехали, мы предположили...

Конец фразы он умолчал, оставив Лиззи гадать, кого он подразумевал под «мы» и что именно они предположили.

– Я приехала только два дня назад. И пришла я сюда потому, что у меня есть некоторые вопросы по поводу того, к чему пришло в итоге следствие по делу сестер Гилмэн.

Саммерс в ответ маслянисто ухмыльнулся. От его дыхания пахло ментолом и вчерашним мерло.

– Давайте-ка выйдем на улицу, ладно? Мне надо перекурить, а в нынешние времена в помещении этого делать не позволяют.

Лиззи пошла следом за ним на дорожку перед входом в отделение. Саммерс выудил из кармана пиджака «Мальборо» с ментолом, а также явно увесистую серебряную зажигалку и протянул пачку Лиззи.

– Нет, благодарю. Я не курю. Итак, расследование дела Гилмэн, – напомнила она, когда Саммерс сделал первую длинную затяжку. – Как обстоят с этим дела?

С заметным раздражением Саммерс выпустил целый столб дыма.

– Они никак не обстоят, мисс Лун. Не было расследования как такового.

– Но вы же так и не нашли убийцу.

Он поглядел на нее искоса, делая новую затяжку.

– Да, обвинение так никому и не было предъявлено, это верно.

Умозаключения Саммерса были более чем ясны. Насколько он себе это представлял, он-то как раз *нашел* убийцу – он просто не смог собрать необходимую доказательную базу. Теперь же, со смертью Альтеи, Саммерс считал, что вопрос сам собою исчерпан и дело закрыто.

– Так вот, значит, как? Вы просто перестали искать?

Саммерс прищурился на нее, и его румяные, с прожилками сосудов щеки побагровели сильнее, чем мгновение назад.

– Восемь лет прошло, мисс Лун, после того, как тела этих девочек вытащили из пруда на ферме вашей бабушки. Восемь лет прошло после того анонимного звонка, после найденных у пруда кукол вуду и после того, как в кармане одной из девушек нашли пустой флакон из магазина вашей бабушки. Вот на чем мы остановились. Ни отпечатков пальцев, ни орудия убийства. Только две мертвые девушки и пруд вашей бабушки. Где еще, по-вашему, мы могли бы *поискать*? Или, может, у вас есть магический шар, который мы могли бы позаимствовать на время?

Лиззи, не моргнув, выдержала его взгляд. Если он таким образом пытался вывести ее из себя, то лишь напрасно терял время. Каких только избитых фраз она не слышала в свой адрес за долгие годы! Лиззи с успехом научилась их игнорировать. Точно так же не удивила ее и точка зрения шефа полиции. Саммерс никогда и не скрывал, что верит в виновность Альтеи – равно как не скрывал и собственных чувств в отношении семейства Лун в целом. Предубеждения его, скорее всего, изрядно подпитывались его чопорной супругой Мириам, которая служила органисткой в Первой конгрегациональной церкви и, будучи в первых рядах на так называемом всеобщем молитвенном бдении за Хизер и Дарси Гилмэн, легко бросалась перед телевизионными камерами такими словами, как «языческие нравы» и «безбожие».

– А не могли бы вы сказать, когда в последний раз вы кого-либо опрашивали по этому делу? Когда говорили с кем-нибудь о том, что он или она напоминает о необычных событиях в тот день, когда пропали девушки?

– Ну... когда-то опрашивали.

– Когда-то – имеются в виду месяцы? Или уже годы?

Саммерс отшвырнул сигарету на парковку и грозно расправил плечи.

– Это вам не Нью-Йорк, мисс Лун. Это Сейлем-Крик. У нас маленький городок, со скромным полицейским штатом и с еще более скромной казной. А потому нам следует очень продуманно распределять наши ресурсы. И простите за такую прямоту, но у нас есть дела куда важнее для использования этих ресурсов, чем пускать их на дело восьмилетней давности, которое так же остыло, как и тела тех несчастных девушек.

Лиззи уставилась на Саммерса, ошеломленная таким бессердечием. То есть, в его понимании, сестры Гилмэн были не чем иным, как делом под неким номером, которое можно было легко вычеркнуть из списка. Всего лишь вопросом использования средств. Лиззи задержала дыхание, досчитала до десяти. Она пришла просить его о содействии, так что потеря самообладания будет явно не на пользу.

– Не сомневаюсь, что для вас это ужасно сложный выбор, шеф Саммерс. Однако я никак не связана с бюджетом. И, как вы наверняка догадываетесь, у меня есть собственные причины выяснить, что же на самом деле случилось с сестрами Гилмэн. И мне очень хотелось бы думать, что для вас, как для начальника здешней полиции, столь же важно выяснить правду, как и для меня.

– Разумеется. Я весьма серьезно отношусь к своим обязанностям перед местным сообществом.

– Тогда вы, полагаю, не станете возражать, если я немного сама порасспрашиваю людей. Вдруг кто-то да припомнит что-нибудь важное из той поры?

– Вообще-то возражаю! – Саммерс явно кипел раздражением и, старательно пытаясь подавить в себе злость, испускал запах разогретого металла. – Наш городок с ног на голову перевернулся, когда те девочки исчезли. Это вообще скорее походило на цирк. Здесь все заполнили всевозможные СМИ, распространяясь о якобы серийных убийцах и бог знает о чем еще. Целых пять лет после этого никто не мог продать здесь и клочка земли. И давайте не прикидываться, будто вы не представляете, что я имею в виду. Потому что мы оба знаем, что вы полностью в курсе дела. Можете называть это суеверием – но, когда люди чувствуют нечто подобное, они бегут без оглядки. Ушли долгие годы на то, чтобы все наконец устаканилось и пришло в норму, и я не хочу, чтобы вы совали свой нос в те дела, которые в нашем городе только-только успели забыться.

– А как же сами Гилмэны? Как, по-вашему, чувствуют себя они, зная, что тот, кто убил их дочерей, разгуливает на свободе? Вы что, действительно считаете, что их так уж волнует, не обесценилась ли их собственность?

– Уверяю вас, мисс Лун, будь у меня возможность возбудить дело против убийцы тех девушек, я бы это сделал еще много лет назад. Я понимаю ваш чрезвычайный интерес к тому делу, однако сейчас это уже бессмысленно, не так ли? Ваша бабушка умерла, и те девушки тоже. Ни вы, ни кто-либо другой уже не сможет вернуть их обратно. Иногда справедливость вершит себя сама. Так почему бы нам всем не сделать одолжение и не оставить мертвых в покое!

Лиззи собрала все свои силы, чтобы не накинуться на него с гневными упреками. Он, можно сказать, только что признал, что Альтея своей смертью оказала ему хорошую услугу, приведя дело к аккуратному концу. И для Саммерса это, быть может, действительно закончилось – но только не для нее.

– Мне бы хотелось поговорить со следователем, который вел это дело.

Саммерс протяжно вздохнул, явно давая понять, что устал от их беседы.

– Как я уже вам сообщил, дело было закрыто несколько лет назад. А что касается Роджера Коулмэна, то он уже давно уволился из департамента. Немного странный этот тип, Коулмэн. Возмутитель спокойствия, как сказали бы некоторые. Вряд ли кто-то слышал о нем хоть что-нибудь с тех пор, как он уехал.

– А куда он уехал?

– Понятия не имею, – пожал плечами Саммерс. – С того момента, как он вернул свой жетон с именным знаком, он перестал быть для меня головной болью. А теперь, если позволите, у меня официальный завтрак с мэром Кавано. Он уходит на пенсию после семнадцати лет службы на своем посту, и я хотел бы засвидетельствовать ему свое почтение.

Саммерс протянул было руку к двери, чтобы уйти, но Лиззи его остановила. Шансов на успех, конечно, было мало, но она должна была об этом спросить:

– Я полагаю, вы не позволите мне взглянуть на материалы дела?

– Вы правильно полагаете, – кивнул Саммерс и зашел в здание.

Лиззи не замечала, насколько всю ее трясет, пока не села обратно в свою машину. Саммерс оказался настолько ей полезным, насколько она, собственно, и ожидала, и к тому же вдвое отвратительнее. И все же возвращалась она от него не с пустыми руками. Теперь она знала имя – Роджер Коулмэн. И все, что от нее требовалось на данный момент – это его найти.

Когда она выезжала с парковки перед отделением полиции, внезапно затрезвонил сотовый. На экране высветилось имя Люка. Лиззи включила гарнитуру, чтобы ему ответить.

– Привет, как дела?

– То же самое хотел спросить и я у тебя. Ну, как у тебя идут дела?

– Идут потихоньку.

– Когда вернешься?

– Я еще только приехала.

– Знаю. Но я подумал, что тебе не терпится оттуда свалить. – Он сухо усмехнулся. – Призраки прошлого и все такое.

Лиззи шумно выдохнула. Вот уж точно – «призраки прошлого».

– Тут возникло кое-какое обстоятельство. Точнее – два. Так что моя поездка может занять чуть больше времени, чем я ожидала. Как выяснилось, в этом имении много дел. Если верить тому, что сказал мне Эндрю, то мне крупно повезет, если его вообще удастся продать.

– А кто такой Эндрю?

– Сосед, друг моей бабушки. А еще он архитектор. Он огорошил меня длинным перечнем необходимых ремонтных работ. Даже не представляю, как буду выворачиваться с каждым из пунктов.

– Так и не выворачивайся. Снеси все к черту – и дело с концом. Ты можешь продать это как незастроенный участок. Еще и налог тебе снизят. Бумс! – и проблема решена.

«Проблема решена»?! Одно дело – продать ферму. А снести там все до основания – это совершенно другое.

– Но я здесь выросла!

– Если я правильно помню твои слова – ты прям дожидаться не могла, когда оттуда уедешь.

Его ответ вызвал у Лиззи раздражение. Причем не только сами слова, но и то, с каким черствым равнодушием он их произнес.

– В тебе нет ни капли сентиментальности.

– Никогда на нее и не притязал. В этом отчасти и кроется мой шарм. Но раз уж мы заговорили о сентиментах – этот самый архитектор Эндрю случайно не является одним из упомянутых обстоятельств?

Вопрос этот застиг Лиззи врасплох.

– С чего бы тебе этим интересоваться?

– Просто из любопытства. – Последовала долгая пауза. В наушниках слышно было, как открывались и закрывались ящики стола. И наконец, словно в запоздалом раздумье, Люк произнес: – Я по тебе скучаю.

– Да брось, быть такого не может.

– Откуда тебе знать?

– Ты только что согласился, что в тебе нет ни капли сентиментального.

Ни словом не возразив, Люк вернулся к прежней теме.

– Ты не ответила на мой вопрос. Этот отзывчивый и полезный сосед Эндрю... это что, типа «былое увлечение»? Или как?

– Нет, ничего подобного. Он просто тот, кого я знаю всю жизнь. Он делает кое-какую работу для моей бабушки.

– Твоя бабушка умерла.

Лиззи подавила вздох.

– Это долгая история, и мне правда не хочется сейчас в нее вдаваться.

– Хорошо. По крайней мере, до тех пор, пока он вдруг не вздумает переманить моего креативного директора. Но ты упомянула о некоем втором обстоятельстве и уверила меня, что это не Эндрю. В чем тогда дело?

Лиззи прикусила губу, ругая себя за такую неосмотрительность. Что она может ему сказать? «Я пытаюсь очистить имя своей бабушки от обвинения в убийстве»?

– Ни в чем особенном, – ответила она наконец. – Просто кое-какие юридические вопросы, которые мне надо разрешить.

«Точно. Почти даже и не соврала. С формальной точки зрения двойное убийство вполне можно квалифицировать как юридический вопрос».

– Как я уже сказала, – добавила Лиззи, – это, возможно, займет больше времени, чем я предполагала.

– Мы говорим сейчас о днях? Или о неделях?

– Не знаю. Но у меня накопилось некоторое количество отгулов, и мне, похоже, придется их сейчас использовать.

Люк ненадолго умолк. Слышно было мерное постукивание ручкой по столу – излюбленный жест Люка в минуту раздражения.

– Мне кажется, – заговорил он наконец, – тебе надо более трезво оценивать ситуацию. Просто сделай то, что от тебя требуется, и уезжай оттуда. Могу тебя уверить: когда все закончится, ты испытаешь большое облегчение. Как будто закроешь одну главу книги, чтобы начать другую.

Лиззи с такой силой сжала пальцами руль, что побелели костяшки.

– То есть именно это ты почувствовал, когда твоя мать умерла? Большое облегчение?

Снова пауза. Постукивание ручкой по столу.

– Люди умирают, детка. Это правда жизни. И у тебя нет ни малейших причин чувствовать себя виноватой, продавая то, что тебе принадлежит. Разбирайся давай с этим и возвращайся домой.

Может, из-за того, что Люк упрямо продолжал называть ее «деткой», когда она уже сотню раз просила его это прекратить, или из-за полного отсутствия сопереживания с его стороны, но Лиззи неожиданно остро захотела закончить этот разговор. Немедленно – пока она не наговорила ему того, чего не следовало.

– Послушай, мне надо попрощаться. Я сейчас в машине, и движение тут просто сумасшедшее.

– Лиззи...

– Я позвоню тебе, когда узнаю что-то новое.

Глава 8

Лиззи еще кипела гневом, прокручивая в голове свой разговор с Люком, когда свернула к себе на подъездную дорогу и обнаружила почти в самом ее конце большой белый служебный пикап. По обеим сторонам его на дверцах были выведены слова: «Эндрю Грейсон. Архитектор». Она тут же припомнила, как Эндрю обмолвился, что заказал пиломатериалы для починки амбара. Надо полагать, он как раз приехал их принять.

Выбравшись из машины, Лиззи прикрыла ладонью глаза, оглядывая участок и пытаясь где-нибудь заметить Эндрю. Но вместо него увидела направляющегося в ее сторону высокого и грузного мужчину в потертом сером комбинезоне. Лицо его показалось Лиззи смутно знакомым. Она напрягла немного память, и вскоре в голове всплыло его имя. Точнее – фамилия.

Хэнли с незапамятных времен были их соседями, их земля граничила с «Фермой Лунных Дев» с северной стороны. Хотя нельзя было сказать, чтобы между ними были обычные добрососедские отношения. Особенно со стариком Хэнли, который пил запоями и редко когда показывался в городе.

Еще у них, помнится, росли два сына – Холлис и Деннис, – с разницей всего в год, которые были неразлейвода. Лиззи мало их знала, чтобы легко отличать одного от другого, но если бы потребовалось угадать, то она сказала бы, что сейчас к ней приближался старший из них, Деннис. За годы он почти не изменился. Разве что шея, пожалуй, стала потолще. Но волосы по-прежнему были оттенка молочной кукурузы, а глаза – того же неуютного бледно-голубого цвета.

Когда он подошел совсем близко, Лиззи вежливо помахала ему рукой. Однако он напрочь проигнорировал ее жест, прошагав мимо и оставив после себя едкий запах меди, соли и зловонный дух застоялой воды – точно от илистой отмели после отлива. Неужели, кроме нее, никто этого смрада не ощущал? Стараясь дышать короткими поверхностными вдохами, Лиззи наблюдала, как Деннис набирает в руки охапку материалов, предназначенных, вероятно, для ремонта амбара, который запланировал Эндрю.

Увидев, как он без труда водрузил на плечо с полдюжины брусков примерно два на четыре дюйма, Лиззи выдавила любезную улыбку:

– Если сообщите, сколько я вам должна, то я выпишу чек.

Деннис хмуро взглянул на нее, снова обойдя стороной.

– Мне счета не выписывали. Просто просили забросить сюда лес.

Лиззи проследила взглядом, как он снова сходил к амбару и свалил бруски в сложенную перед дверью кучу. Потом вернулся к машине, тяжело пыхтя. Лиззи ждала от него каких-то слов, подтверждающих, что он закончил работу. Однако Деннис лишь молча поднял задний откидной борт, сел за руль и через мгновение оставил ее стоять в клубах пыли.

Она смотрела вслед пикапу, пока он не исчез из виду, не в силах отделаться от смрадного духа, оставленного Деннисом. Или от того, с какой колючей неприязнью блеснули его глаза, когда он посмотрел на нее. Может, в этом городе и появились новомодные кафе да салон татуировок – однако демонстративное пренебрежение к ней Денниса ясно давало понять, что некоторые вещи в Сейлем-Крике никогда не изменятся.

Все еще хмурясь своим мыслям, Лиззи заметила невдалеке Эвви в выцветшем ситцевом фартуке, которая рыскала среди овощных и зеленных грядок. Огород был уже совсем не таким изобильным, как прежде, однако в сравнении с остальной фермой еще мог похвастаться вполне приличным выбором ягод и овощей. Эвви сунула в карман передника горсть стручковой фасоли, потом подняла голову и, прищурившись, оценивающе посмотрела на Лиззи.

– Выглядишь так, будто кто-то переехал твою любимую свинью.

Лиззи недовольно уставилась на нее.

– Выгляжу... Что?!

– Так любил когда-то говорить мой папа. Это значит «как в воду опущенный». Я так понимаю, встреча с начальником полиции прошла не лучшим образом.

– Можно и так сказать. Оказалось, дело это было закрыто еще несколько лет назад, и у Саммерса нет ни малейшего желания снова давать ему ход. Если точнее, он заявил мне: «Иногда справедливость вершит себя сама».

У Эвви в лице проступила жесткость.

– И на чем вы порешили?

– Я ему сказала, что собираюсь немного поспрашивать людей в округе.

– Наверно, он был очень рад это услышать.

– Да нет, на самом деле. Он мне ясно дал понять, что предпочел бы, если бы я оставила этот вопрос в покое. Стал что-то гнуть про обесценивание недвижимости и отпугивание людей. Я спросила, можно ли мне пообщаться с детективом, который вел расследование – его зовут Роджер Коулмэн, – но тот, как выяснилось, давно уже переехал. И если верить Саммерсу, с тех пор, как он ушел из полиции, никто и ничего о нем не слышал.

Эвви хмыкнула, выковыривая землю из-под ногтей.

– Сразу видно, как много тот может знать.

Лиззи ухватила ее за запястье:

– И что это означает?

– Это означает, что есть кое-кто, кому доподлинно известно, куда тот человек уехал, и этот кое-кто живет по соседству.

Лиззи поглядела туда, куда показывал изогнутый большой палец Эвви.

– Эндрю?

– Угу-у, – промычала Эвви. – Однажды, пару лет назад, он пришел к твоей бабушке и спросил, не будет ли она возражать, если он возьмется за перестройку новокупленного дома того самого детектива. Мол, если ей было бы неприятно, чтобы Эндрю с ним работал, то он откажется от заказа. Причем совершенно серьезно готов был отказаться. Но ты ведь знаешь Альтею! Она сказала, что тот человек всего лишь делал свою работу и к тому же всегда держался с ней исключительно учтиво.

– То есть он взялся за тот заказ?

– Насколько знаю, да. Но если хочешь узнать об этом поточнее – постучись к нему и спроси лично.

* * *

На участке у Грейсонов, как оказалось, за это время произошли разительные перемены. Неужоженная живая изгородь, когда-то грозившая поглотить весь дом, была полностью выдернута из земли, и на ее месте появился многоярусный садик с цветущими георгинами, гелениумами и ярко-оранжевым лилейником.

Сам дом тоже претерпевал немалые изменения. С одной стороны вовсю сооружалась пристройка с просторными окнами, с каменным, из бута, дымоходом и длинной, огибающей строение, террасой, с которой, когда она будет достроена, откроется чудесный вид на окрестные холмы. Эндрю, судя по всему, решил после смерти отца все обустроить здесь по-своему.

Лиззи прошла по дорожке к входной двери, с удивлением обнаружив ее распахнутой настежь. Откуда-то изнутри доносились гулкие удары молотка. Она постучала. Потом крикнула погромче, стараясь перекрыть голосом размеренный стук:

– День добрый! Эндрю?

Стук тут же прекратился. Спустя мгновение появился Эндрю, заметно удивленный тем, что увидел ее в дверях.

– Привет. – Он ненадолго умолк, утирая лицо рукавом и смахивая с волос опилки. – Как дела?

Лиззи помедлила с ответом, с любопытством разглядывая нынешнее состояние дома. Вся мебель была убрана, пол устлан большими и тяжелыми кусками брезента.

– Я могу прийти попозже, если ты занят.

– Даже не думай. Я как раз искал предлог, чтоб сделать перерыв. Заходи.

Внутри дома витал терпкий запах свежеспиленной древесины со сладковатым оттенком масляного лака.

– Смотрю, ты сделал перепланировку, – сказала Лиззи, глубже пройдя в комнату. – Перед домом я заметила клумбы – очень красиво получилось. Хотя я бы туда добавила, пожалуй, немного свежей мульчи. Это снизит потребность растений в поливе и будет сдерживать рост сорняков.

– Говоришь сейчас, прямо как твоя бабушка. Она, кстати, все это для меня подробно записала. На самом деле все, что в саду – она и разработала. Я мастер по части стен или проводки, но, когда доходит до того, что окружает дом, – я почти полный ноль. Хочешь, проведу экскурсию?

Вслед за ним Лиззи прошла на кухню, где новенький деревянный пол был изрядно запошен опилками. Помещение это оказалось большим, открытой планировки, с кухонным островком посередине и широкими окнами, выходящими как раз на строящуюся террасу. Все оснащение кухни было по последнему слову техники, из блестящей нержавеющей стали. Освещение было тоже обновлено и выполнено в виде встроенных светильников. Шкафчики изготовлены из какого-то шелковистого темного дерева.

– Когда все закончишь, тут будет просто шикарно! – сказала она Эндрю, с восхищением проводя рукой по дверце одного из шкафчиков. – Очень люблю дерево.

– Мне еще нужно определиться с гранитом. Хочешь подержать в руке? – Он вытащил из холодильника три образца камня и протянул ей. – Я уже сузил свой выбор до трех.

Лиззи окинула взглядом кухню, снова посмотрела на образцы. Подумав мгновение, вытянула средний – самый легкий из трех – и приложила его к дверце шкафчика. – Вот этот, – сказала она, отдавая Эндрю образцы. – За счет кремового фона в кухне будет гораздо светлее, а темные его прожилки сведут воедино дерево и нержавейку.

– Договорились, мадам! Но хочу предупредить, я, возможно, приду к вам проконсультироваться, когда буду выбирать фурнитуру. О! Кстати... Деннис доставил бруски и доски для амбара?

– Доставил. Хотя я не могу на сто процентов быть уверена, что это был именно Деннис. Никогда не могла их друг от друга отличить.

– Да, однозначно Деннис. Ночные смены он работает на мясокомбинате, расфасовывая мясо, а пару раз в неделю подхалтуривает у меня на доставке и разнорабочим.

– Он как будто не слишком-то дружелюбен?

– Боюсь, что нет, – покачал головой Эндрю. – Но не стоит принимать это на личный счет. У него вообще сильно испортился характер с тех пор, как погиб его брат.

– Холлис погиб?!

– Два года назад. Разбился на автомобиле на трассе 125 вскоре после того, как вернулся из Афганистана. Не повезло бедняге. Он всегда был немного неповоротливым, и Деннис вечно присматривал за ним. Они вместе завербовались в армию и рассчитывали, что и базироваться будут вместе, но вышло все совсем иначе. Холлису нелегко пришлось там одному. Вернулся он совершенно разбитым. Мне кажется, Деннис чувствует себя в ответе за то, как все обернулось. Я больше чем уверен, что именно поэтому он взялся у меня подрабатывать – чтобы помогать жене Холлиса.

– Что, правда? – изумилась Лиззи. – Тот даже женился?

– Женился. На младшей дочери Бонни Маркхема, Хелен. Ребенку едва год исполнился, когда он погиб. Малышку зовут Кайла. Ей сейчас, думаю, около трех.

Лиззи покачала головой, удрученная мыслью, что малышка подрастает без отца, а молодая жена осталась без мужа.

– Как это ужасно. Но какой молодец Деннис, что заботится о семье брата. Даже не думала, что он такой. Хотя все же надо побольше знать о человеке, чтобы о нем судить.

Лиззи посмотрела на образец гранита, по-прежнему лежавший в ее руке. Она и забыть успела, что его держит! Возвращая образец Эндрю, Лиззи внезапно замаялась.

– Я, вообще-то, пришла просить об одной услуге.

– Выкладывай.

– Я сегодня ездила пообщаться с шефом полиции Саммерсом по поводу дела сестер Гилмэн.

– Ты серьезно?

Выражение его лица говорило сразу обо всем.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мол, зачем все это снова ворошить? И клянусь, я никогда не собиралась это делать. Но сейчас, оказавшись здесь, я не могу избавиться от мысли, как это ужасно было для Альтей – знать, что люди поверили, будто она способна... – Она отвернулась, предоставляя Эндрю самому закончить недосказанное. – Я думала, что, может, он сможет сказать мне что-то новое.

Эндрю задумчиво сжал губы трубочкой.

– Я как раз понимаю, что ты хочешь вернуть Альтее ее честное имя. Просто сильно удивлен, что ты решила, будто Саммерс тебе в этом поможет. Вот уж кто определенно никогда не был другом семье Лун.

– Возможно. Но надо же мне было с чего-то начать. И ты, конечно, прав. Он совершенно не хочет мне помочь. Он вышел пообщаться со мной лишь для того, чтобы дать мне понять, что я зря теряю время, а потом заторопился на званный ланч с мэром.

– Еще бы он не заторопился!

– В смысле – «еще бы»?

– Саммерс просто дни считает, когда Кавано или уйдет на пенсию, или умрет. А на прошлой неделе о его уходе было объявлено официально. Так что мэр теперь пакует чемоданы, собираясь ехать в Северную Каролину, к внукам. У тебя и так-то шансы были невелики, а уж теперь, когда на носу выборы, шанс получить помощь от сливок Сейлем-Крика вообще сводится к нулю.

– Что и заставляет меня обратиться к тебе за той услугой, о которой я уже упомянула. – Лиззи отошла к окну, устремив взгляд наружу. – Я спросила Саммерса, могу ли я поговорить с тем следователем, который вел дело. Саммерс ответил, что тот ушел из полиции еще несколько лет назад и переехал. И заявил, что ни одна душа не знает, куда этот человек уехал. Но Эвви считает, что тебе это, возможно, известно.

– Роджер.

Лиззи резко отвернулась от окна, внезапно в ней затеплилась надежда.

– Да! Ты знаешь, как мне с ним связаться? Может, у тебя есть адрес или номер телефона? Эндрю провел ладонью по волосам, явно взвешивая свой ответ.

– У меня есть и то, и другое, но я сильно сомневаюсь, что он обрадуется, если я кому-то дам его координаты. Он сейчас частный дознаватель, работает у своего брата в Довере. Впрочем, я могу ему позвонить и спросить, согласится ли он с тобой поговорить. Вполне может и отказаться. Подозреваю, у него остались далеко не радостные воспоминания о полицейском департаменте Сейлем-Крика.

– Позвони ему. Пожалуйста. Я просто хочу задать ему несколько вопросов – посмотреть, вдруг всплывет что-то новое. Наверно, это ничего мне не даст – но попробовать поговорить с ним стоит.

Долгое мгновение Эндрю изучающе смотрел на нее, слегка склонив голову набок, словно пытаюсь разгадать головоломку.

– Мне вот что любопытно. Еще недавно ты говорила, что совершенно не намерена во всем этом копаться. А теперь готова пинать и переворачивать каменные глыбы и вообще поставить на уши весь Сейлем-Крик. Впечатляющая, скажем, перемена.

– Я знаю. И была бы рада это объяснить. Но, если честно, я сама не понимаю, что произошло. Я была так зла на все, когда отсюда уезжала. Настолько зла, что даже поклялась, что больше и нога моя не ступит в этот город.

– И все-таки ты здесь.

– Я здесь, – кивнула Лиззи.

– От нас тут очень далеко до Нью-Йорка. Во многих смыслах.

Лиззи пожала плечами, понимая, что такому человеку, как Эндрю, ее ответ наверняка покажется смешным. Или вообще кому-нибудь.

– В Нью-Йорке я ощущаю себя в безопасности. Я знаю, это, наверное, звучит странно, но там намного проще оставаться незаметным, быть всего лишь одним из лиц в многомиллионной толпе, где у каждого своя жизнь, своя история и ни у кого нет времени тебя о чем-то спрашивать. Уверена, тебе это кажется лишенным смысла. Тебя никогда не тянуло спрятаться, исчезнуть, стать для всех невидимкой. А вот мне этого хотелось – и сейчас порой очень хочется...

– Что ж, с уверенностью могу сказать тебе только одно. Как только ты начнешь тут тормозить людей насчет убийства сестер Гилмэн, последнее, что тебе удастся – это быть невидимкой.

– Я это понимаю. Но ведь порой все же приходится перестать прятаться. Разве не так? И открыто отстаивать правду. Я вот все время думаю: ведь если б я не пыталась тогда всеми силами остаться незаметной, когда все начали с остервенением разжигать эти нелепые вымыслы, то все могло бы обернуться иначе. А вместо этого я спряталась и просто позволила всему этому произойти.

– Лиззи, ты не можешь винить себя за то, что случилось. Видишь ли, это Сейлем-Крик. Здесь никого и никогда не убивают. Здесь люди умирают от старости и смертной скуки. Поэтому, когда стало известно, что девушек убили, весь город словно с катушек съехал. Жители были дико напуганы, а страх заставляет людей делать немыслимые и порой даже постыдные вещи. То, что произошло с Альтеей, было как лесной пожар, который поглотил целый город.

– И поглотил также мою бабушку.

– И тебя.

– Да, – тихо ответила Лиззи. – И меня.

– И ты не боишься разжигать все это снова?

– Боюсь, если честно. Но еще больше я боюсь оставить все как есть и уехать, зная, что даже не попыталась добраться до правды. Альтея заслуживает того, чтобы я это сделала, пусть даже я и опоздала на целых восемь лет.

– Утром я позвоню Роджеру. Гарантировать ничего не могу, но он очень достойный человек. Он серьезно относился к своей работе, вот только с шефом Саммерсом они были не в ладах. Так что никто и не удивился, когда он уволился из полиции и уехал, устроившись к своему брату в адвокатскую контору дознавателем. Возможно, он и мог бы тебе помочь, но, как я уже сказал, – совершенно не представляю, что он ответит. Учитывая его трения с Саммерсом, он, возможно, вообще предпочтет остаться в стороне.

Лиззи кивнула. Только глупец захочет добровольно лезть в эту неприятную историю.

– Спасибо тебе. И что бы он ни ответил, я очень признательна тебе за помощь. Буду ждать от тебя вестей.

Глава 9

21 июля

У Лиззи от волнения даже свело в животе, когда Эндрю вывернул на автотрассу Довер-Пойнт-Роуд. Роджер Коулмэн согласился с ней поговорить, но с двумя условиями: что, во-первых, при их беседе будет присутствовать Эндрю, а во-вторых, ему, Роджеру, ни при каких обстоятельствах не придется общаться с Рэнделом Саммерсом. Так что, похоже, Эндрю был совершенно прав насчет серьезных разногласий между Коулмэном и его бывшим шефом.

Лиззи не представляла, как сама онаотреагирует на то, что снова увидит следователя. Она была вовсе не в восторге от перспективы встретиться с человеком, который однажды постучался к ним в дом с ордером на обыск. Но теперь отступить было слишком поздно. Они уже въехали на аллею, обсаженную высокими, обтрепанными ветром соснами.

Участок оказался низким и тенистым. Имея форму сектора круга, он был прижат к берегу бухты Литтл-Бэй. Дом был небольшим, одноэтажным, холодновато-голубого цвета с пронзительно-белыми ставнями. Во двореке сбоку на подпорках – вероятно, на некой ремонтной стадии – покоилась парусная лодка.

Оставив сумочку на сиденье, Лиззи вышла из машины. Когда Роджер Коулмэн неожиданно поднялся с перевернутого ящика из-под молочной тары, она оказалась к этому не готова. Но пока он подходил к ней, сумела все же взять себя в руки. Он запомнился ей как высокий, предельно вежливый и при этом очень представительный человек с темными, коротко постриженными волосами и острым узким подбородком. За годы он не сильно изменился. Он был по-прежнему высок и угловат и почти по-прежнему внушителен, несмотря на то что его волосы уже сильно подернулись сединой, а элегантные, защитного цвета брюки и пиджак сменились на свободные джинсы и кое-где продравшуюся футболку.

Широко улыбнувшись, Эндрю протянул ему руку:

– Вижу, все работаете над старой посудинкой?

Пожимая ему ладонь, Роджер усмехнулся:

– Скоро будет готова встать под парус. Если повезет, спущу ее на воду еще до того, как закроют навигацию. – Он гордо выгнул грудь, большим пальцем указывая через плечо: – Я даже успел дать ей название.

Это было совсем утлое суденышко – не более тридцати футов в длину, – с единственной мачтой и выцветшим бледно-синим корпусом. Прищурившись, Лиззи разобрала буквы на корме «*Сыщик Джон Б.*». Тут явно было обыграно название одной из песен старой группы «*Beach Boys*»⁶, что казалось вполне подходящим, учитывая профессию Роджера, – хотя и очень трудно было представить человека с таким ростом, как у Коулмэна, пытающегося втиснуться в столь крошечную рубку.

Лиззи вновь перевела взгляд на Роджера. Когда Эндрю их друг другу представил, она вежливо кивнула, протягивая руку Коулмэну, не в силах даже выдавить улыбку. Она ощутила легкое дуновение запаха начищенных ботинок и свежевыглаженного хлопка, что вполне укладывалось в привычный образ правильного, неизменно следующего уставу полицейского детектива. Однако к этому запаху примешивалось и кое-что еще – едва заметный оттенок влажных прелых листьев, который совершенно не сочетался со всем остальным. Это был мрачный, быстро ускользающий запах, который у Лиззи всегда ассоциировался со скорбью и тоской. Но

---

⁶ Имеется в виду песня «Шлюп Джон Б.» – «Sloop John B.» – американской рок-группы «Beach Boys», вышедшая в 1966 г. У Коулмэна на корме было выведено «Sleuth John B.».

когда она все же заставила себя встретиться взглядом с Коулмэном, то не увидела в нем ни малейшего намека на это. Возможно, ее внутренний радар почему-то сработал неверно.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной, детектив.

Коулмэн изучающе посмотрел на нее. Глаза у него были и не серые, и не зеленые, а какого-то среднего оттенка. Лиззи хорошо запомнила эти глаза: пронизательные и пугающе настойчивые, не торопящиеся переходить на что-то дальше, пока не вникнут в самую суть.

– Роджер, – спокойно поправил он. – Зовите меня просто Роджер.

Коулмэн пригласил их в дом, налил по стакану чая со льдом, потом быстро провел Лиззи по дому, демонстрируя ей то, что Эндрю перестроил в его доме два года назад. Показал, где шла стена между гостиной и кухней, которую тот снес. Показал окно, проделанное из кухни на веранду, а также серию световых фонарей в кровле над гостиной.

Когда со всеми гостеприимными любезностями было покончено, они вышли на террасу. Позади дома вальяжно простиралась под лучами послеполуденного солнца полноводная бухта, серебристая и неподвижная в пору едва ли не максимального прилива. Лиззи подняла лицо, подставляя его веющему от воды, легкому солоноватому ветерку.

– Итак, – молвил Роджер, когда они расселись по стоявшим на террасе креслам. – Эндрю сказал, что вы ко мне с серьезной миссией.

Лиззи быстро глянула на Эндрю, который неспешно помешивал в стакане лед, время от времени взглядывая на бухту. Он устроил ей встречу и согласился на ней присутствовать – но теперь уже был ее выход.

– Да, можно и так сказать. – Она чуть помолчала, не зная, с чего начать. – Моя бабушка тех девушек не убивала, – произнесла она наконец. – Это сделал кто-то другой. И если есть хоть какая-то возможность выяснить, кто это сделал на самом деле, то я хочу попытаться.

Он вновь изучающе посмотрел на нее своими цепкими серо-зелеными глазами.

– Вы понимаете, что шансы обнаружить что-то новое крайне малы и что все, чего вы, скорее всего, добьетесь своими поисками, – это напомниме всем в городке, что они думали о вашей семье и почему они так думали?

– Понимаю.

– И все равно хотите за это взяться?

– Хочу.

– Даже если вы вдруг обнаружите нечто такое, что вам не хотелось бы узнать?

Лиззи понимала, что он имеет в виду. По мнению Коулмэна, существовала некая возможность того, что в своих поисках правды она может откопать неизвестную ранее улику, доказывающую причастность Альтей к убийству, а вовсе не оправдывающую ее. Однако Роджер не знал того, что знала Лиззи: что Альтея просто не способна была причинить кому-либо вред, а уж тем более двум юным девушкам.

– Такого я не обнаружу.

Он холодно кивнул, очевидно, на данный момент готовый поверить ей на слово.

– Хорошо. Так что вы хотите у меня узнать?

– Почему вы ушли из полиции Сейлем-Крика?

Роджер непонимающе моргнул, глядя на Лиззи, явно удивленный ее вопросом.

– Потому что пришла пора.

Это был весьма уклончивый и вежливый способ дать понять гостье, что ее это не касается. Но если Лиззи собиралась довериться ему, ей необходимо было узнать, что произошло, и понять, что именно подтолкнуло Роджера уйти, бросив расследование, которое, несомненно, могло бы стать самым крупным делом в его карьере.

– То есть вы ушли на пенсию?

– Официально? Нет. – Он, прищурившись, поглядел на бухту, где лениво покачивался стоящий на якоре красно-белый парусник. – Я просто ушел. Потому что перестал давать нужные результаты в своей работе.

– Я не очень понимаю, что это значит.

– Это значит, что у нас с шефом Саммерсом были совершенно разные взгляды на ответственность нашего отделения полиции перед обществом. Он хотел поскорее избавиться от дела сестер Гилмэн, я же собирался копать дальше, пока мы не расследуем все до конца.

Лиззи удивило, каким сухим и равнодушным тоном он это произнес.

– То есть вы считаете, что он не хотел его раскрыть?

– В самом начале, может быть, и хотел. Вокруг него крутилась масса газетчиков. Крупная шишка, уже с известным именем в газете, к тому же всегда готовый дать интервью! А потом дело стало принимать скверный оборот, и Саммерс нажал на тормоза. Начал урезать нам человеко-часы, ограничивая в денежных ресурсах, отказывался ставить подпись для отправки материалов в лабораторию, потому что это, дескать, не было предусмотрено бюджетом. Прессе были установлены строгие ограничения. Все заявления в СМИ должны были пройти его цензуру. Все это выглядело довольно странно. Саммерс и раньше был немножко деспотом, но теперь к этому как будто добавилось что-то еще.

– И что именно?

– Как будто вокруг этого дела происходило нечто такое, о чем все остальные в отделении и понятия не имели.

– И вы выступили против него?

– *Выступить* против Рэндела Саммерса невозможно. Но я высказал ему свои соображения.

– И что было дальше?

Роджер пожал плечами:

– А дальше – я купил старый парусник и пошел работать к своему брату.

– Ну да... ясно.

– Не поймите меня неправильно. Я люблю ту работу, которой сейчас занимаюсь. Она приносит пользу. Но система правопорядка сидит у меня в крови. Я знаю, это звучит избито и выставляет меня эдаким бойскаутом – но именно так я всегда воспринимал свою профессию. И мне кажется, многие из нас испытывают подобное. Мы гордимся тем, что мы делаем. Потому что верим, что делаем мир лучше. – Роджер ненадолго умолк, снова поглядев на бухту, на отца с сыном, весело дурачащихся в небольшой рыбацкой лодке. Когда он повернулся обратно, на лице его светилась улыбка, которая, впрочем, быстро погасла. – Некоторые из нас всю жизнь отдают работе. Вот только от работы не всегда за это воздается.

Лиззи оглянулась на дом. Вплоть до этого момента она как-то и не обратила внимания, что ни в доме, ни вокруг нет ни малейшего признака присутствия женщины. И на пальце у Роджера нет кольца. Он что, холостяк? Или разведен? Она припомнила слабый запах прелых листьев, который ей не так давно почудился, и поймала себя на мысли: а не поступился ли ради работы Роджер Коулмэн чем-то – или кем-то – очень важным? И оправдался ли в итоге его выбор?

Все это время Эндрю от нечего делать помешивал свой чай, ритмично постукивая кубиками льда по стенкам стакана. Наконец он поставил чай на столик и подался вперед, упершись локтями в колени.

– Надеюсь, мы не нарушим каких-то ваших правил, если попытаемся обсудить, на какой стадии осталось дело после вашего ухода? Нам вовсе не хочется, чтобы вы поступали вопреки своим принципам, однако у Лиззи есть собственное чувство долга. Она хочет убедиться, что сделала все возможное, чтобы вернуть честное имя своей бабушке. Она начала с того, что отправилась к Саммерсу, но от него оказалось мало толку.

Роджер медленно кивнул.

– Я был бы рад вам сказать, что меня это сильно удивило, однако это не так. Этому человеку совершенно наплевать на общественную безопасность. В должности шефа полиции он видит лишь временную работу – всего лишь ступеньку к чему-то более высокому.

Эндрю поймал взгляд Лиззи, будто желая сказать ей: «Что я тебе говорил!»

– Кстати, мэр Кавано только что официально объявил, что выходит на пенсию.

Роджер поджал губы.

– Ну, тогда можете не сомневаться, что, пока мы тут с вами разговариваем, уже всюду печатаются плакаты «Голосуй за Саммерса!». Не то чтобы это было для кого-либо большим секретом. Мы все, естественно, знали, что Саммерс метит в мэры или даже еще куда повыше. Мы видели, как он старается, эксплуатируя самые громкие полицейские дела так, чтобы его имя попало в газеты. Постоянно выставлялся напоказ – пока внезапно не оказался в дурном свете. И тогда он уже не захотел в этом участвовать.

Эндрю сдвинул брови.

– По-вашему, убийство сестер Гилмэн выставило его в скверном свете?

Роджер протяжно выдохнул.

– Убийство этих девочек всех выставило в скверном свете. Жители Сейлем-Крика не привыкли видеть подобного в местных новостных газетах. Так что стоило бы им такое прочесть – и все вскоре начали бы искать виноватых. Причем показывали бы пальцем не только на Саммерса. Кавано тоже пришлось бы несладко. А поскольку день выборов был уже на носу, то в интересах всех и каждого было, чтобы это дело поскорее затерли лапками.

– Вовсе не в интересах всех и каждого, – резко возразила Лиззи. – Однако он добился своего. Не было ни заключения по делу. Ни ареста виновного. Ни суда. Ничего.

Роджер посмотрел на нее поверх сцепленных пальцев.

– Вам следует принять во внимание имеющиеся у нас доказательства. Или, скорее даже, то, чего у нас *не* имеется. У нас есть мертвые тела и анонимная наводка – однако нет ничего, что напрямую связывало бы вашу бабушку с этими убийствами. Нет ни мотива, ни орудия убийства. И ничего конкретного по судебно-медицинской экспертизе. Допустим, мы двинемся дальше и произведем арест, чтобы заглушить всеобщие волнения. Потом пойдем в суд. Вот только мы не в состоянии возбудить дело – и ваша бабушка, получается, будет оправдана. Последнее, что тогда нужно было Кавано, когда он вновь боролся за голоса избирателей, – это чтобы все в городе запомнили, что девушек убили именно в пору его руководства и что его шеф полиции оставил убийцу гулять на свободе. – Коулмэн помолчал, энергично пожав плечами. – Порой, когда не можешь возбудить дело, лучше ничего не делать, нежели ворошить осиное гнездо. Должно быть, такая стратегия сработала ему на руку. Как видите, он до сих пор продержался на посту.

Эндрю выпрямился на кресле, словно проникаясь всей важностью того, что только что сказал Роджер.

– По-вашему, именно Кавано велел Саммерсу притормозить расследование?

– Нет, – бесстрастно ответил Коулмэн. – Я думаю, Кавано велел ему вообще предать это забвению. И поначалу Саммерс, наверное, воспринял это без особого одобрения. Раскрытие такого дела сделало бы из него героя, настоящего поборника закона и порядка. Но когда он понял, что раскрытие дела весьма маловероятно, то быстро переменял курс. Я сильно подозреваю, между ними были взаимовыгодные отношения: Кавано хотел, чтобы эта история была замята и ему удалось победить в перевыборах, а Саммерс хотел, чтобы у него была надежная опора, когда мэру наконец придет пора отправиться на юг.

Лиззи изумленно уставилась на него:

– И потому он просто бросил расследование убийства?!

– Скорее заморозил. Но по сути это одно и то же. Он заявил, что это связано с нехваткой бюджета, однако никто из нас на это не купился. Представьте: у нас есть грандиозное дело – и вдруг, ни с того ни с сего, мои ребята не могут получить сверхурочные часы, необходимые для выполнения работы, им не дают «добро» на лабораторные исследования, которые могли бы помочь нам определить, как долго тела девушек пролежали в воде или не были ли жертвы отравлены. Анализ на токсины выдал лишь следы алкоголя – но это вполне ожидаемо, когда столько времени прошло, прежде чем были собраны образцы. За это время процесс ферментации искажает всю картину. Пара недель под водой – и там уже ничего толком не разберешь.

– А как же Гилмэны? – спросила Лиззи, желая поскорее сместить предмет разговора. – Они что, не требовали окончательного ответа?

– Требовали, конечно. По крайней мере, Фред Гилмэн. Но Саммерсу удалось убедить его, что расследование зашло в тупик. Вот и все. Не скажу, чтобы Гилмэн как-то изменил свое мнение насчет вашей бабушки – но Саммерса это более чем устраивало. Ему неважно было, чему верят горожане – главное, что они с Кавано остались чистенькими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.